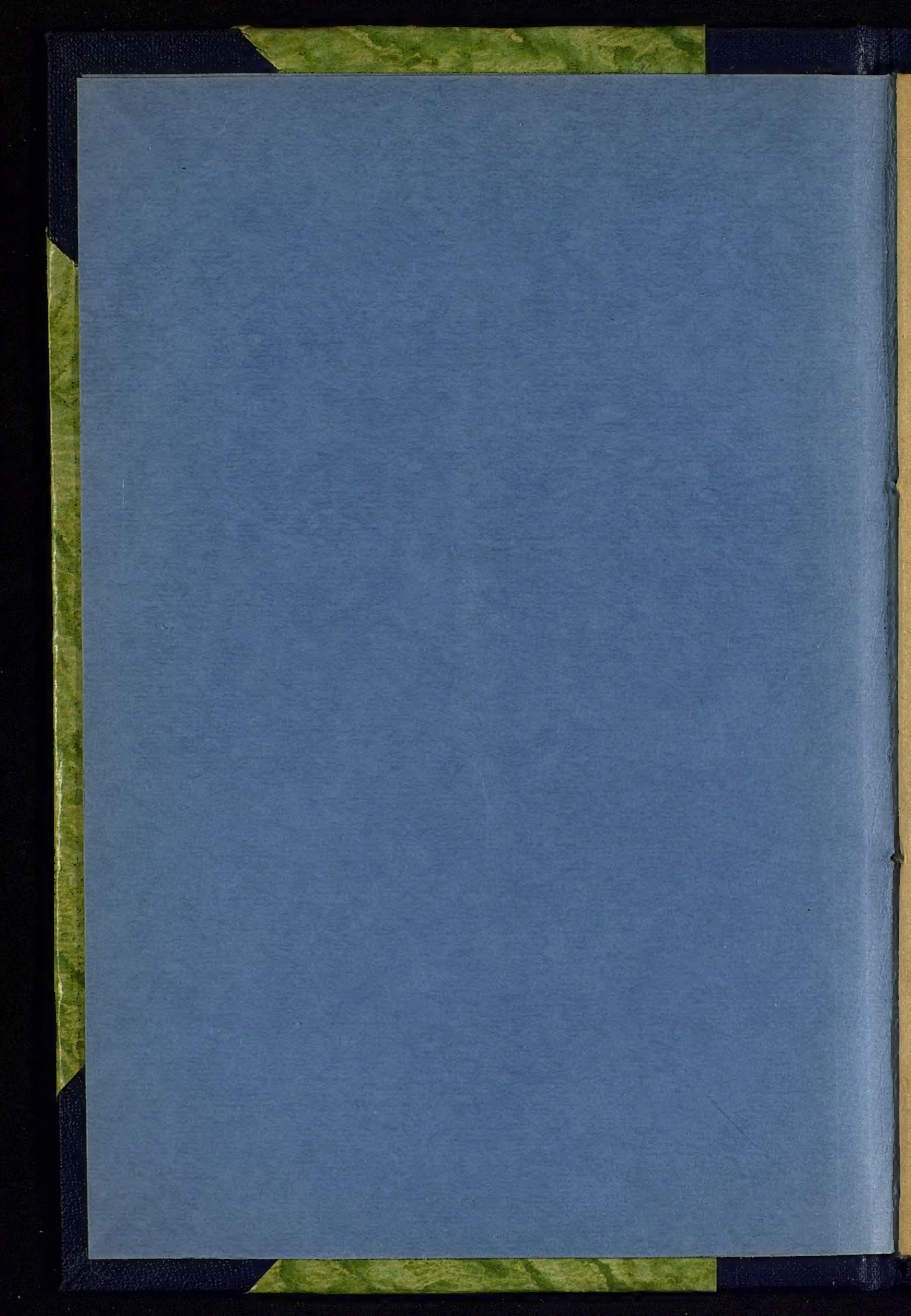

Книгоиздательство „Свободная Пресса".

Всеволодъ Ильчинскій.

Перлы кадетской тактики.

(Роль и значеніе конституціонно-демократической партіи, или партіи народной свободы).

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
1907.

Телефонъ 206-95. | Сущ. съ 1858 г.

Перлы кадетской тактики.

(Роль и значенiе конституцiонно-демократической партiи, или партiи *народной свободы*).

Когда на учредительномъ съѣздѣ конституцiонно-демократической партiи въ Москвѣ получился манифестъ 17 октября, собранiе въ особой резолюцiи выразило къ нему свое рѣзко отрицательное отношенiе. Резолюцiя гласила, что 1) „основные принципы политической свободы равноправности и всеобщаго избирательнаго права... получили въ опубликованныхъ документахъ далеко не полное признанiе“; 2) „осуществленiе признанныхъ манифестомъ началъ новой политической жизни поставлено въ такiя условiя, при которыхъ не можетъ быть никакой увѣренности въ полнотѣ и послѣдовательности этого осуществленiя“... 3) „Расширенiе законодательныхъ правъ думы сдѣлано въ такихъ выраженiяхъ, которыя все еще допускаютъ возможность ограниченiя ихъ несогласiемъ Государственнаго совѣта“... 4) „Дѣйствiе усиленной охраны и другихъ исключительныхъ законовъ не отмѣняется манифестомъ... И не дано амнистiи“. 5) „Такъ какъ при изложенныхъ условiяхъ — ограниченнаго расширенiя избирательныхъ правъ и законодательной власти Думы и невозможности гарантировать примѣненiе началъ свободной политической жизни въ предстоящей избирательной кампанiи—Государственная Дума не можетъ быть признана правильнымъ народнымъ представительствомъ, то задачей к.-д. партiи остается достиженiе поставленной раньше цѣли—учредительнаго собранiя на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованiя, безъ различiя пола, нацiональности и вѣроисповѣданiя, при чемъ реформированная дума можетъ служить для партiи лишь однимъ изъ средствъ на пути къ осуществленiю той же цѣли съ сохраненiемъ постоянной и тѣсной связи съ общимъ ходомъ освободительнаго движенiя внѣ Думы“. 6) „Наиболѣе цѣлесообразнымъ выходомъ изъ настоящаго положенiя кон.-дем. партiя считаетъ: а) немедленное осуществленiе обѣщанныхъ манифестомъ основныхъ правъ

и немедленную же отмѣну исключительныхъ законовъ; в) немедленное введеніе избирательнаго закона на основаніи всеобщаго голосованія для непосредственнаго созыва, вмѣсто Гос. Думы по закону 6 августа, учредительнаго собранія для составленія основного закона; с) немедленное удаленіе изъ администраціи лицъ, вызвавшихъ своими предыдущими дѣйствіями народное негодованіе, и составленіе временнаго дѣлового кабинета, полномочія котораго должны прекратиться съ созывомъ народныхъ представителей и составленіемъ кабинета изъ представителей большинства". 7) Необходима полная амнистія. 8) „Не ожидая удовлетворенія намѣченныхъ требованій, конституціонно-демократическая партія предоставляетъ себѣ фактическое осуществленіе всѣхъ обѣщанныхъ манифестомъ, но не закрѣпляемыхъ точными опредѣленіями закона условій политической свободы".

Въ этой резолюціи одновременно съ критикой манифеста прямо и не двусмысленно заявлено, что „задачей к.-д. партіи остается достиженіе поставленной раньше цѣли—учредительнаго собранія на основѣ всеобщ., равн., прямого и тайнаго голосованія безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, при чемъ реформированная Дума можетъ служить для партіи лишь однимъ изъ средствъ на пути къ осуществленію той же цѣли, съ сохраненіемъ постоянной и тѣсной связи съ общимъ ходомъ освободительнаго движенія внѣ Думы". Тѣ же самыя мысли о цѣляхъ партіи и то же отрицательное отношеніе къ манифесту 17 октября неоднократно высказывались и въ періодической кадетской литературѣ. Принципіальное возраженіе противъ участія въ выборахъ, „которое утверждаетъ, что, идя въ Думу, мы тѣмъ самымъ санкціонируемъ и самую Думу и выборные порядки"... „конечно, сразу должно быть отброшено... Мы достаточно ясно и опредѣленно выразили и продолжаемъ выражать наше отношеніе и къ Думѣ и къ выборнымъ порядкамъ, чтобы имѣть право отнестись къ *этому* аргументу съ полнымъ равнодушіемъ", писала «Рѣчь» [1]).

Отрицательное отношеніе кадетовъ къ выборнымъ порядкамъ и къ Думѣ выражалось и въ томъ, что они безусловно отказывались признавать будущую Думу выразительницей мнѣній народа. «Рѣчь» писала по этому поводу: «Возраженіе, отрицающее наше или кого бы то ни было другого изъ идущихъ въ Думу право говорить отъ имени народа, по существу, совершенно правильно... Совершенно вѣрно, что только истинное представительство народа можетъ говорить отъ его имени, а также вѣрно, что члены Государственной Думы, созываемой 27 апрѣля, не могутъ быть признаны истинными представителями народа. Но изъ этихъ двухъ посылокъ можетъ быть сдѣланъ одинъ выводъ: ни мы, ни кто другой не можетъ говорить въ Думѣ

---

[1]) См. Передов. ст. въ № отъ 26 февраля 1906 г.

отъ имени народа»... «...Мы идемъ *ради* народа, но, конечно, не будемъ считать себя уполномоченными говорить отъ его имени» [1]). Еще болѣе категорически высказывается «Рѣчь», этотъ умѣреннѣйшій изъ всѣхъ кадетскихъ органовъ, въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ: «Даже насъ самихъ,—если избиратели пошлютъ насъ въ Думу,—мы не рѣшимся назвать «дѣйствительными выразителями народной воли» при существующей совершенно неправильной избирательной системѣ. И если насъ все-таки посылаютъ, то всякій понимаетъ, что это значитъ. Это значитъ, что страна добивается при нашемъ посредствѣ прежде всего правильнаго представительства» [2]).

При всемъ своемъ отрицательномъ отношеніи къ выборнымъ порядкамъ и къ Государственной Думѣ, кадеты все-таки принимали участіе въ выборахъ, приглашали другихъ къ выборамъ и дѣятельно готовились къ тому, чтобы пройти въ Думу. Какія же цѣли преслѣдовали они при этомъ? Они, какъ мы знаемъ, смотрѣли на Думу, какъ на „одно изъ средствъ" къ достиженію своей цѣли — Учредительнаго собранія. Участіе въ выборахъ они, значитъ, мотивировали тѣмъ, что такимъ путемъ они могутъ облегчить себѣ достиженіе этой цѣли. Не забудемъ, что резолюція, гласящая объ этомъ, была написана 18 октября 1905 г., — въ тѣ дни, когда по всей Россіи шумно прокатывалась „славная", по признанію кадетовъ, всеобщая забастовка, когда стотысячныя массы рабочихъ, объединенныхъ единодушнымъ революціоннымъ чувствомъ, провозглашали свои политическіе лозунги, когда волна энтузіазма подняла на своемъ гребнѣ невиданныя массы людей, сплотила ихъ въ страшную силу и направила послѣднюю со всего размаху на самодержавіе. Силы революціоннаго народа достигли въ этотъ моментъ грандіозныхъ размѣровъ. Натискъ, произведенный на правительство, былъ страшенъ по своей силѣ и неожиданности. Никогда еще правительство не подвергалось такому нападенію, и никогда еще его безпомощная растерянность не бросалась въ глаза такъ, какъ послѣ появленія манифеста 17 октября, которое послѣдовало немедленно вслѣдъ за объявленіемъ забастовки. Но, не смотря на то, что уступка была дана правительствомъ въ такую критическую для него минуту, она, по признанію кадетовъ, была недостаточна. Манифестъ былъ составленъ такъ, что на основаніи его Государственный Совѣтъ могъ лишить всякаго значенія всѣ постановленія будущей Думы. Противорѣчіе между манифестомъ и дѣйствительностью было вопіющимъ и рѣзало даже не очень притязательные глаза кадетовъ. Для послѣднихъ было, слѣдовательно, ясно, что и такое широкое общественное движеніе, какъ

---

[1]) См. передов. ст. въ № отъ 26 февр. 1906 г.
[2]) «Рѣчь», перед. ст. въ № отъ 19 марта 1906 г.

октябрьское, оказалось недостаточнымъ для достиженія существенныхъ уступокъ, а не только что Учредительнаго Собранія. Ясно было, что освободительное движеніе должно расти и развиваться, количество участвующихъ въ немъ — увеличиваться, организованность и сознательность массъ — усиливаться, чтобы якобы поставленная кадетами цѣль — Учредительное собраніе, уничтоженіе исключительныхъ законовъ, обезпеченіе гражданскихъ свободъ и амнистія — изъ сферы програмныхъ вожделѣній перешли въ область реальнаго. А отсюда ясно, что взглядъ кадетовъ на думу, какъ на „одно изъ средствъ“ къ достиженію учредительнаго собранія, могъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что свое участіе въ выборахъ и въ Думѣ они разсматривали, какъ средство для развитія и усиленія освободительнаго движенія.

Но усиливать освободительное движеніе можно только двумя путями: развивая сознаніе народа и усиливая организацію послѣдняго. Именно такимъ образомъ и мотивировали кадеты свое отношеніе къ Думѣ, потому что помимо этого не могло быть никакого оправданія участію въ выборахъ и стремленію въ Думу. Если мы идемъ въ Думу, говорили кадеты, то только потому, что въ народѣ нѣтъ того настроенія, которое представляетъ собою „необходимое условіе для использованія тѣхъ путей и средствъ, которые одни остаются въ распоряженіи у народа, если бы онъ отказался идти путемъ выборовъ. Будь оно на лицо, мы бы, вѣроятно, не разсуждали о томъ, идти или не идти въ Государственную Думу, а должны бы были опредѣлить свое отношеніе къ совершенно инымъ вопросамъ и способамъ дѣйствія“ [1]). „Если бы наша дѣятельность исчерпывалась стремленіемъ въ Думу и работой тамъ“, говорили они далѣе, „мы бы заранѣе обрекли себя на малозначительную и несущественную роль. *Главной задачей* остается все-таки *организація общественныхъ силъ и общественнаго мнѣнія* на почвѣ освободительныхъ лозунговъ и требованій“. (Курс. нашъ) [2]). Наконецъ, въ одной статьѣ „Рѣчь“ еще подробнѣе старалась разъяснить свой взглядъ на отношеніе выборовъ къ общему ходу „освободительнаго“, по мягкому и осторожному выраженію либераловъ, движенія. Они критикуютъ здѣсь логику соціалдемократовъ, по которой якобы, „чтобы добыть элементарныя условія политической жизни, нужна борьба и побѣда; а чтобы организовать побѣдоносную борьбу, должны быть на лицо уже эти элементарныя условія“. На самомъ дѣлѣ, поучаетъ кадетскій органъ, обѣ эти рѣзко исключающія другъ друга части дилеммы „обусловливаютъ другъ друга взаимно и развиваются въ причинной

---

[1]) „Рѣчь“, 26 февраля, стр. 1.
[2]) „Рѣчь“, 26 февраля 1906 г.

связи не только одно отъ другого, но оба отъ чего-то третьяго. Это третье есть постепенно растущее самосознаніе массы"... „Это самосознаніе расширяетъ формы борьбы и дѣлаетъ самое неожиданное употребленіе изъ формъ самыхъ узкихъ и тѣсныхъ" [1]).

Мы могли бы ожидать на основаніи всѣхъ приведенныхъ разсужденій, что кадеты, дѣйствительно, не преминутъ сдѣлать выводы изъ своихъ предпосылокъ и приняться за развитіе „самосознанія массы". Въ то время, когда началась предвыборная агитація, политическое положеніе было въ высшей степени тяжелымъ. Казни, карательныя экспедиціи, полное запрещеніе всякихъ собраній и союзовъ, полная безумно-дикой разнузданности вакханалія всевозможныхъ генералъ-губернаторовъ и усмирителей свирѣпствовали по всей Россіи. Новый подъемъ только обозначался.

Въ такой моментъ иллюзіи особенно опасны. Въ такой моментъ особенно важно, чтобы масса знала свои силы и силы противной стороны. Она должна знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, можетъ ли она разсчитывать на жалость, на милосердіе, на благоразуміе, на совѣсть своего противника. Она должна знать, можетъ ли прекратиться ожесточенная борьба между обѣими сторонами, или ее необходимо продолжать съ еще большей силой и большею энергіей. И, пуская въ ходъ какое-нибудь средство, народъ долженъ имѣть ясное представленіе объ его силѣ и значительности, чтобы не положиться на это средство, въ случаѣ его недостаточности, и не отвлекать своихъ силъ въ наименѣе важную сторону. Въ этомъ заключается самосознаніе массы.

Тотъ, кто въ минуту напряженной борьбы подноситъ одному изъ борцовъ картонный мечъ подъ видомъ стального, не просвѣтляетъ, а затемняетъ сознаніе борющагося, не помогаетъ, а губитъ его. Но этого гг. кадеты, очевидно, не знали. Со спокойной совѣстью, стоически игнорируя «клеветы» лѣвыхъ партій, они принялись за развитіе «самосознанія массы», за созданіе въ ней надлежащаго «настроенія» и за «организацію общественнаго мнѣнія и общественныхъ силъ».

Первымъ шагомъ на этомъ пути было распространеніе самыхъ преувеличенныхъ, самыхъ преступно-иллюзорныхъ надеждъ на Думу. Центромъ вниманія была сдѣлана Дума. Всѣ усилія были употреблены на то, чтобы въ глазахъ народа Дума обратилась въ естественную и могучую защитницу его интересовъ. Если вначалѣ дѣлались какія-либо оговорки, то чѣмъ далѣе подвигалась предвыборная агитація, чѣмъ яснѣе опредѣлялись благопріятные для кадетовъ результаты выборовъ, тѣмъ большимъ обаяніемъ стремились кадеты окружить будущую Думу въ глазахъ народа, тѣмъ больше старались перенести

---

[1]) „Рѣчь", № отъ 19 марта, передов. статья.

на нее народныя надежды, тѣмъ больше говорили объ ея силѣ, объ ея власти, объ ея значеніи. Въ описаніи кадетовъ Дума изъ скромнаго вспомогательнаго средства, за которое только и можно было ее считать, обращалась въ учрежденіе, способное принести громадное облегченіе народу, излѣчить его наиболѣе мучительныя раны, удовлетворить его важнѣйшимъ потребностямъ. Не для того, чтобы убѣдить народъ въ твердой рѣшимости правительства защищать свои позиціи до послѣдней капли крови шли кадеты въ Думу. Нѣтъ! «Мы идемъ въ Думу для того, чтобы *положить конецъ* (?!) (курсивъ нашъ) равно какъ и въ слѣд. цитатахъ) бюрократическому самовластію и *добиться* избирательнаго права» [1]), такъ разъясняли они обществу въ февралѣ важность Думы. «Ученый» органъ к.-д. мысли: «Полярная Звѣзда» захлебывался отъ восторга при мысли о думѣ. Онъ пускался прямо въ поэзію и рисовалъ цѣлыя увлекательныя и вдохновенныя картины. «День созыва Г. Думы», пишетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ лидеровъ партіи, Набоковъ, «какова бы она ни была,— послѣдній день самаго мрачнаго, самаго позорнаго періода нашей исторіи. Невозможно себѣ представить, чтобы Дума потерпѣла оставленіе у власти *этого* министерства. И напрасно было бы думать, что такому сверженію могутъ быть поставлены какіе-нибудь препоны. Прорвавшись въ первое представительное собраніе, волна общественнаго негодованія и справедливаго гнѣва смоетъ всѣ эти препоны. Въ одинъ день Россія проспется отъ кошмара, а черезъ мѣсяца мы перестанемъ даже понимать, какъ возможно было вынести и вытерпѣть все то, что сейчасъ кругомъ насъ происходитъ» [2]). А г. Родичевъ еще въ мартѣ, послѣ благопріятнаго исхода выборовъ въ Твери провозгласилъ: «Гнусному, кровавому прошлому объявленъ конецъ» [3]). Наканунѣ окончательныхъ выборовъ кадеты заговорили еще болѣе категорическимъ тономъ. «Предстоящая дума, если въ ней будетъ конституціонно - демократическое большинство, *завоюетъ странѣ истинное народное представительство*, основанное на всеобщемъ избирательномъ правѣ безъ всякихъ отговорокъ и ограниченій; она *обезпечитъ необходимыя для правового строя вольности*, призоветъ достойное и вѣрное народному голосу правительство, потребуетъ отчетъ отъ тѣхъ, кто залилъ кровью Россію, пойдетъ твердо на встрѣчу нуждамъ трудящихся массъ» [4]).

Итакъ, кадеты говорили, что самое существенное и важное будетъ добыто при помощи Думы. Она *обезпечитъ* свободы, *завоюетъ*

---

[1]) «Рѣчь», 26 февр. передов. ст.

[2]) «Полярная Звѣзда» 3 февраля, стр. 522 — 523, ст. В. Набокова: «Внутренняя война».

[3]) Родичевъ. «Выборы въ Твери», въ «Рѣчи» 28 марта.

[4]) Ив. Гревсъ. «Дружно къ урнамъ!». «Рѣчь», 20 Марта.

истинное народное представительство, *свергнетъ* министерство, *положитъ конецъ* бюрократическому самовластію, разбудитъ родину отъ кошмара. И когда, черезъ мѣсяцъ послѣ созыва Думы, Россія проснется, кругомъ будетъ тишь и гладь и кадетская благодать. И если вы обратитесь тогда къ кому-нибудь изъ россійскихъ обывателей, ставшихъ по милости Думы гражданами, съ вопросомъ о количествѣ убитыхъ и раненыхъ, разстрѣлянныхъ и повѣшенныхъ, изнасилованныхъ и поруганныхъ, заключенныхъ въ тюрьмы и сосланныхъ за послѣдній мѣсяцъ,—онъ васъ... не пойметъ! Такъ «развивали» кадеты «самосознаніе массы» и «организовывали общественное мнѣніе».

Но на этомъ дѣло не кончалось. Россійскіе граждане, самосознаніе которыхъ кадеты такъ добросовѣстно «развивали» и «мнѣніе» которыхъ «организовывали», могли, допустимъ, вполнѣ увѣровать въ возможность мгновеннаго и чудеснаго превращенія Россіи въ свободную страну. Они могли согласиться съ кадетами, что пока надъ Россіей будетъ «бдить» «недреманное око» Думы, русскій гражданинъ будетъ пребывать въ блаженномъ невѣдѣніи того, что такое самовластіе правительства, отсутствіе свободы и пр. Но что, если случится другое, не менѣе вѣроятное чудо? Что, если правительство внезапно выколетъ это недреманное око, и оно закроется? Вѣдь тогда снова все начнется по старому. А развѣ это такъ невозможно? Какія гарантіи имѣются у насъ, что Дума не будетъ разогнана? Вѣдь чѣмъ больше добра можетъ принести Дума народу, тѣмъ больше зла будетъ она причинять правительству, тѣмъ больше сопротивленія и ненависти будетъ она встрѣчать со стороны правительства, тѣмъ больше шансовъ, что она будетъ разогнана. Въ чемъ же сила Думы?— Вотъ что могъ бы спросить «организованный» кадетами обыватель.

Отвѣтъ, который кадеты давали на этотъ вопросъ, былъ достоинъ кадетовъ. «... Дума есть прежде всего учрежденіе *властное* (курс. подл.), имѣющее силу создать тѣ нормы жизни, которыя нужны странѣ», писала «Рѣчь» [1]). «Для всѣхъ (?) ясно, что ее нетолько нельзя *разогнать* (курс. подлин.), но что ее очень мудрено и распустить, пока она этого сама не захочетъ, т. е. пока она не исполнитъ того, ради чего она собралась...». «Ее никто не смѣетъ тронуть», писалъ тамъ же г. Гредескулъ [2]). Послѣ выборовъ въ Твери Родичевъ, приводя въ «Рѣчи» слова, сказанныя имъ за нѣсколько дней до того въ Петербургѣ и выражающія ту мысль, что разгонъ Думы — нѣчто невозможное, прибавляетъ, что «тогда это была вѣра. Теперь я это *знаю* (курс. подл.) [3])». И немудрено, что онъ «зналъ»

---

[1]) Перед. ст. 21 мая № 79.
[2]) «Тактика Думы», «Рѣчь» отъ 2 іюня 1906 г.
[3]) Родичевъ. «Выборы въ Твери». См. «Рѣчь» № отъ 28 марта.

это. Вѣдь даже болѣе лѣвые либералы изъ «Нашей Жизни» кричали, что результаты выборовъ «говорятъ... о такомъ совершенномъ и окончательномъ пораженіи нынѣшняго правительства, которое нельзя назвать иначе, какъ разгромомъ» [1]). Какъ видитъ читатель, тонъ этихъ заявленій звучитъ необычайно увѣренно. Авторы не допускали никакихъ сомнѣній въ томъ, что Дума разогнана не будетъ. По ихъ мнѣнію это было «ясно для всѣхъ».

Дума разогнана быть не можетъ, вѣщали кадетскіе пророки. Она несокрушима, потому что сильна. Г. Родичевъ говорилъ въ Думѣ [2]): «...Сила Думы въ ея собственномъ сознаніи, въ сознаніи долга передъ страною, въ сознаніи, что власть народа и голосъ народа выражены Думою. Физическая сила должна, въ концѣ концовъ, подчиниться. Мы знаемъ, что, когда мы сказали физической силѣ: удались!—она можетъ пролить кровь, но удержаться она не можетъ»... ибо такъ угодно г. Родичеву и его приснымъ. Этой причины достаточно. Сомнѣнія далѣе терпимы быть не могутъ. «Маловѣріе, гг., неумѣстно», строго заканчиваетъ свою рѣчь кадетскій Мирабо. Оно тѣмъ болѣе было бы неумѣстно, что еще и до этого — именно, на III съѣздѣ конституціонно-демократической партіи — тотъ же г. Родичевъ доказалъ ту же невозможность разгона думы, но еще болѣе высокимъ, можно даже сказать, страшнымъ и священнымъ штилемъ. Его доказательство было довольно своеобразно: это была... клятва! «Я кончаю клятвой (!) вамъ: Дума разогнана быть не можетъ, и Дума сдѣлаетъ свое дѣло!» [3]). Такъ говорилъ Заратустра.

И таково было мнѣніе кадетовъ. Дума, говорили они, сильна, потому что она опирается на «общественное мнѣніе», организованное надлежащимъ образомъ, и поскольку нельзя сокрушить и разогнать «общественное мнѣніе», постольку нельзя было, по ихъ мнѣнію, тронуть и самую Думу. «Физической силы для этого не хватитъ. Много ли надо силы, чтобы разбить иконостасъ Казанскаго собора? Пяти кулаковъ для этого достаточно. Но этого никогда не будетъ—ни одна рука на это дѣло не подымется, развѣ рука безумца. То же будетъ и съ Думой. Только слѣпое безуміе можетъ посягнуть на нее», говорилъ г. Родичевъ въ С.-Петербургѣ [4]). Только такая сила, которая не боится разбить иконостасъ Казанскаго собора и не пугается клятвъ и заклинаній г. Родичева, можетъ ее разогнать. Человѣческая же сила не можетъ.

Правда, дозволительно было спросить, откуда черпаютъ кадеты

---

[1]) «Наша Жизнь», цитиров. по «Рѣчи» № 34.

[2]) Засѣд. думы 18 мая. Рѣчь г. Родичева.

[3]) Изъ рѣчи г. Родичева на III с. к.-д. пар. См. «Рѣчь» № отъ 22 апрѣля.

[4]) Родичевъ «Выборы въ Твери». «Рѣчь» № отъ 28 марта.

такую сладкую увѣренность въ поддержкѣ со стороны «организованныхъ» общественнаго мнѣнія и силъ. Во всякомъ случаѣ, эта увѣренность могла явиться только изъ такого мѣста, гдѣ логика не пользуется «самодержавной» властью, а является только «конституціоннымъ» монархомъ. Агитація кадетовъ, ихъ увѣренія, ихъ лозунги должны были бы, казалось, привести къ обратнымъ результатамъ, а ихъ посылки—совсѣмъ къ другимъ выводамъ. Въ самомъ дѣлѣ, сначала, какъ мы видѣли, кадеты указывали на огромные размѣры будущей дѣятельности Думы. Указывалось, что Дума не оставитъ отъ правительства и его ужасовъ даже и воспоминанія. Внушалось съ маніакальной настойчивостью, что Дума настолько сильна, что на нее никто не посмѣетъ посягнуть. Если бы кто-нибудь повѣрилъ этому, онъ рѣшилъ бы, что на его долю никакой работы не остается, что его помощь никогда не понадобится, и предоставилъ бы Думу самой себѣ. Во всякомъ случаѣ «организовываться» ему было бы незачѣмъ.

Но ни логика, ни указанія революціонныхъ партій, ни опытъ дѣятельности въ Думѣ не въ силахъ были объяснить этого ослѣпленнымъ сіяніемъ русскаго «парламента» кадетамъ. Потребовался разгонъ Думы и почти трехмѣсячный фактическій перерывъ дѣятельности ихъ партіи, чтобы заставить сдѣлать горькое полупризнаніе. На IV съѣздѣ кадетамъ пришлось заявить, что въ своей борьбѣ «Дума опиралась почти исключительно на самое себя, переоцѣнивая свою собственную силу, и въ этомъ именно слѣдуетъ искать причину того пораженія, которое она испытала» [1]). Пришлось «сознать, что Дума сама по себѣ, безъ постояннаго взаимодѣйствія съ широкими слоями народа, безъ реальной поддержки всѣми общественными организаціями была поставлена въ слишкомъ тяжелыя условія» [2]). Увы, кадеты начали «за здравіе», а кончили «за упокой».

Но въ то время — до разгона Думы—кадеты не унывали. Одной рукой они щедро сѣяли конституціонныя иллюзіи, а другой дѣлали въ воздухѣ знаки, приглашавшіе общественное мнѣніе къ «организаціи» на почвѣ освободительныхъ лозунговъ и поддержки Думы. Въ то же самое время жизнь одной рукой подготовляла элементы для разрушенія этихъ иллюзій, другой — организовывала общественныя силы для революціонной борьбы и обѣими руками готовилась обмануть завѣтныя мечты «реальныхъ политиковъ».

Иначе и не могло быть, потому что трудно подыскать что-нибудь болѣе неопредѣленное, расплывчатое и противорѣчивое, чѣмъ то содержаніе, которое кадеты вкладывали въ понятія «поддержка Думы»,

---

[1]) В. Набоковъ. Докладъ IV съѣзду о тактикѣ партіи въ Думѣ. «Вѣстн. П. Нар. Своб.» отъ 1 окт. 1906 г., стр. 1599.

[2]) Тамъ же, стр. 1603.

«организація общественнаго мнѣнія», «организація общественныхъ силъ».

Организовывать общественное мнѣніе и силы на почвѣ освободительныхъ лозунговъ значитъ уяснять массамъ внутренній смыслъ и содержаніе этихъ лозунговъ, дѣлать ихъ для народа самыми цѣнными и дорогими руководителями, сдѣлать народъ самымъ цѣннымъ и важнымъ защитникомъ ихъ. Это значитъ вербовать армію борцовъ, готовыхъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать усвоенные лозунги. Это значитъ строить въ ряды и готовить къ бою для ихъ осуществленія и торжества. Эти лозунги должны быть колоколами: при каждомъ ударѣ въ грудь свободы они должны звенѣть. Даже когда свобода завоевана, эти лозунги должны остаться боевыми, потому что реакціонные классы не дремлютъ, а политическая свобода и всеобщее голосованіе такъ же вредны для нихъ, какъ полезны для народа. Стоитъ только зазѣваться, и завоеванное можетъ быть потеряно. Если что-нибудь можетъ удержать реакціонное правительство, защитницу интересовъ паразитическихъ слоевъ населенія, отъ нападенія на народныя свободы, то только боязнь, только сознаніе, что при такой попыткѣ оно встрѣтится лицомъ къ лицу съ негодующими массами борцовъ, которые могутъ его смести съ лица земли. Тѣмъ болѣе понятно, что если не завоевано еще и тѣни свободы, то единственной организаціей народнаго сознанія можетъ быть организація его на почвѣ *борьбы* за реализацію освободительныхъ лозунговъ, а не просто на почвѣ освободительныхъ лозунговъ. Единственнымъ призывомъ къ *поддержкѣ* Думы, имѣющимъ какой-нибудь смыслъ, могъ быть призывъ готовиться къ вооруженному *выступленію* для защиты ея. Единственной *дѣйствительной* организаціей общественныхъ силъ была бы та, которая сплотила бы ихъ вокругъ боевого знамени революціи.

Картина послѣднихъ лѣтъ была такова. Волнообразными порывами, подымаясь и опускаясь, революція бомбардировала правительство. Впереди всѣхъ выступалъ пролетаріатъ, оставляя многочисленныя жертвы на пути, обливая кровью своей въ городахъ мостовыя и заборы, фонари и стѣны, пуская въ ходъ всевозможныя средства — отъ безоружныхъ демонстрацій до баррикадныхъ сраженій, отъ мелкихъ экономическихъ стачекъ до грандіозной политической забастовки. Онъ росъ въ процессѣ борьбы, присоединяя къ себѣ все большіе и большіе слои населенія. Шумъ его грандіозныхъ выступленій, громовое эхо его шаговъ, звуча, какъ набатъ на пожарищѣ русской жизни, долетали въ глухіе деревенскіе углы и будили тамъ сознаніе въ крестьянахъ. Съ каждымъ выступленіемъ росла неудержимая сила революціи. Идя въ глубину, движеніе привлекало къ себѣ все новые и новые слои пролетаріата, вплоть до самыхъ отсталыхъ, при чемъ ихъ выступленіе, подъ какимъ бы флагомъ оно ни начиналось, съ

изумительной быстротою обращалось въ революціонное, и дальнѣйшій ходъ его совершался подъ флагомъ крайнихъ политическихъ лозунговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно все болѣе организовывалось. Быстро развивалось сознаніе и въ деревнѣ. Росъ интересъ къ городскимъ событіямъ, къ политикѣ, къ общенію съ внѣшнимъ міромъ. Ненависть къ правительству и его агентамъ стала выливаться наружу во всевозможныхъ революціонныхъ формахъ. Усиливалось все болѣе и болѣе аграрное движеніе. Словомъ, движеніе въ деревнѣ росло и въ ширь и въ глубь, но организованность его была гораздо слабѣе, чѣмъ въ городѣ. Создавшаяся революціонная атмосфера пробивала толстыя стѣны казармы и революціонизировала солдатскія головы. Тамъ же, гдѣ революція не могла подступиться къ войскамъ, войска сами подступали къ революціи, посылаемыя для ея усмиренія. Когда Магометъ не шелъ къ горѣ, гора отправлялась къ Магомету. Разсѣянные по безконечному пространству революціонной Россіи, постоянно проникая въ самую гущу революціи, постоянно ощупывая своими пулями сердца революціонеровъ, войска постепенно научались понимать біеніе этихъ сердецъ. Возникло движеніе въ войскахъ. Какъ и прочія движенія— рабочія и крестьянскія — оно сначала проявлялось въ безпорядочной формѣ. Оно прокатывалось изъ конца въ конецъ, неоформленное, неорганизованное, необъединенное. Получалось впечатлѣніе какого-то узника, оторвавшаго свою цѣпь отъ стѣны и лихорадочно мятущагося по странѣ, скрываясь въ одномъ мѣстѣ, проявляясь въ другомъ, путаясь въ длинной цѣпи, сковавшей его по ногамъ, сшибая ея размахнувшимся концомъ противника и падая въ изнеможеніи на землю. Иногда военное движеніе обращалось въ громадное вооруженное возстаніе. Но всѣ эти военныя движенія, вслѣдствіе своей неорганизованности и несоразмѣрности съ общимъ движеніемъ, непосредственной побѣдой не кончались ни разу, Зато они каждый разъ все больше разстраивали ряды правительства. Они дезорганизовывали его. Они являлись для правительства грознымъ предостереженіемъ и наводили на него ужасъ. Они приводили къ тому, что драгунъ отправляли на усмиреніе пѣхотинцевъ, казаковъ посылали на солдатъ, жандармовъ— на казаковъ, а моряковъ — на саперъ, что должно было сильно вліять на развитіе самосознанія въ войскѣ. Но это же ободряющимъ образомъ дѣйствовало на рабочихъ и крестьянъ. и такимъ образомъ революція росла, сама себя развивая.

Часто торжествующимъ врагамъ казалось, что революція попала въ самое худшее изъ всѣхъ положеній—что она бѣжитъ. Но когда революція бѣжитъ, это значитъ, что она разбѣгается по всей странѣ. Результаты этого, весьма непріятные для правительства, обнаруживаются очень скоро. Революція снова подымается, но уже оказывается вступившей въ новый, высшій фазисъ. Такъ было и у насъ. Каждое

кажущееся пораженіе было на самомъ дѣлѣ побѣдой; послѣ него революція неизмѣнно вступала въ новый, высшій циклъ развитія. На это не разъ указывалось въ нашей соціалдемократической литературѣ.

Въ промежуткахъ между двумя пораженіями указанный раньше процессъ вовлеченія новыхъ слоевъ въ движеніе совершался разбросанно и въ неорганизованной формѣ. Потомъ характеръ движенія быстро мѣнялся. Зрѣвшее въ теченіе всего этого времени настроеніе достигало высокой степени напряженія. Кризисъ приближался. Крупное выступленіе въ одномъ изъ крупныхъ центровъ сразу подхватывалось и обращалось во всероссійское. Такъ было 9-го января, послѣ котораго по всей Россіи прокатилась неслыханная волна политическихъ забастовокъ. Такъ было въ октябрѣ, когда московская забастовка типографскихъ рабочихъ обратилась въ всероссійскую политическую забастовку; такъ было и въ декабрѣ. Въ такіе моменты высокаго подъема движеніе становилось болѣе организованнымъ. Оно выносило на своемъ гребнѣ организацію, которая сообщала движенію больше планомѣрности, а, значитъ, и больше мощи и внушительности. Это были самые страшные моменты для правительства—страшные одновременностью и единодушіемъ нападенія. Такіе моменты подводили итогъ развитію революціи за цѣлый періодъ. Развиваясь самыми разнообразными путями и способами, видимо и невидимо двигаясь безпрерывно впередъ, усиливая себя и ослабляя правительство, революція ставила на своемъ пути вѣхи, которыя должны были наглядно свидѣтельствовать объ ея движеніи и указывать слѣпымъ на то, что она дѣлаетъ успѣхи.

А поводовъ для ея развитія и успѣховъ было и остается достаточно. Правительство ни за что не хочетъ уступить. Успѣхи революціи только увеличиваютъ его сопротивленіе и ярость. Ростъ его стремленія подавить революцію пропорціоналенъ квадрату или кубу ея роста. Правительство сбросило съ себя всякую маску и всякія одежды и предстало передъ глазами всего міра въ своей наготѣ, какъ отвратительный кошмаръ, какъ полумистическое порожденіе чьей-то нечеловѣчески-безумной фантазіи. Это чудовище безпощадно. Оно не останавливается ни передъ чѣмъ. У него на все одна точка зрѣнія: борьба съ крамолой. И хоть точка-то зрѣнія одна, зато она весьма гибка и разностороння. Согласно этому воззрѣнію, все является носителемъ крамолы, при чемъ въ различныхъ случаяхъ она принимаетъ различныя формы. У нѣкоторыхъ отдѣльныхъ людей она принимаетъ вѣсомую форму: тогда ее можно уничтожить черезъ повѣшеніе. У другихъ, въ особенности, если это—скопленіе цѣлой массы лицъ, крамолу можно разсмотрѣть и оцѣнить по достоинству лишь въ томъ случаѣ, если смотрѣть на нее однимъ глазкомъ, прищуривъ другой и приложившись къ винтовкѣ. Изъ города крамола изгоняется посредствомъ пушекъ, путемъ поголовнаго разстрѣла всѣхъ жителей, а изъ 10-лѣтнихъ крестьян-

скихъ дѣвочекъ—путемъ изнасилованія ихъ казаками. Таково міровоззрѣніе правительства. Единственной функціей своей оно считаетъ приложеніе этого міровоззрѣнія къ жизни, Оно утратило всѣ органы, которые нельзя было приспособить для этой цѣли и выродилось въ пожирательницу крамолы, въ какую-то огромную пасть безъ туловища, плавающую среди безконечнаго океана крови.

Въ самую страшную минуту общаго напора, когда правительство чувствуетъ всю отчаянность своего положенія,—въ тѣ минуты, когда революція кричитъ «руки вверхъ»!, а волны ея почти докатываются до его кармановъ, готовясь влиться туда и унести съ собою *все* ихъ содержимое, *все*, что поддерживаетъ его существованіе, тогда правительство поспѣшно вытаскиваетъ изъ-подъ полы бумажку и простираетъ ее надъ толпой, чтобы остановить напоръ. Черезъ минуту, спохватившись, что напоръ вовсе уже не такъ былъ силенъ, оно снова набрасывается на крамолу, уничтожая правыхъ и виноватыхъ и доказывая, что бумажка-то была чистая...

Такъ было у насъ до сихъ поръ. *Силою* были добыты всѣ ничтожныя уступки правительства. *Силой* только могли онѣ быть удержаны. *Силой* только можно было добиваться дальнѣйшаго. Если какая-нибудь уступка оказывалась сколько-нибудь важною, то лишь постольку, поскольку, опираясь на нее, можно было увеличивать, концентрировать и организовывать *силы* для *борьбы* съ правительствомъ за ту цѣль, которая можетъ быть достигнута лишь *уничтоженіемъ* правительства, но ни въ какомъ случаѣ не будетъ имъ *уступлена*. Таковъ взглядъ соціалдемократіи; да и не ея одной, а всѣхъ революціонныхъ партій. Смѣшно было бы говорить, что мы не признаемъ уступокъ, даваемыхъ правительствомъ, что мы не желаемъ ими пользоваться, что мы думаемъ *сразу* получить *все*. Если кто-нибудь добился этихъ уступокъ, такъ это—революціонный народъ, съ которымъ *мы* идемъ *нога въ ногу*. Если кто-нибудь пользуется ими, это опять таки революціонный народъ, но только не для остановки, а для дальнѣйшаго движенія все къ той же неизмѣнной цѣли—Учредительному Собранію. Распространеніе *этого* взгляда на вещи, указаніе на *истинный* характеръ правительства, выясненіе *дѣйствительныхъ* средствъ для борьбы съ нимъ—вотъ что мы понимаемъ подъ организаціей общественнаго мнѣнія. Организація *борьбы* съ правительствомъ, сплоченіе и объединеніе народа для *этой* цѣли. руководство имъ въ *этой борьбѣ*, расширеніе и увеличеніе арміи *борцовъ* за политическую свободу—вотъ что, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ названія организаціи общественныхъ силъ.

Но такое пониманіе, *такая* организація «общественнаго мнѣнія» и «общественныхъ силъ» безконечно далеки отъ кадетскаго пониманія и кадетской организаціи.

Правда, въ октябрьскіе дни и кадеты, казалось, на мигъ придвинулись къ пониманію сущности истинной организаціи. Когда единодушные политическіе лозунги и требованія учредительнаго собранія, свободъ и амнистіи сковали въ одно цѣлое стотысячныя массы людей въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ Россіи, созвавъ ихъ мощнымъ кликомъ подъ свое знамя; когда общее одушевленіе вылилось наружу въ формѣ безчисленныхъ собраній, митинговъ, шествій, рѣчей, при чемъ все это «общественное мнѣніе» ни единымъ звукомъ не напоминало о томъ, что гдѣ-то на свѣтѣ имѣются «организаторы общественнаго мнѣнія»—«союзъ освобожденія» и «союзъ земскихъ конституціоналистовъ»—тогда на неуловимо-короткій мигъ наступило просвѣтленіе либеральныхъ головъ. И когда «великая» забастовка, этотъ факторъ «хозяйственной дезорганизаціи», разомъ остановилъ движеніе буржуазной жизни, сковалъ дороги, потушилъ фонари и зажегъ въ сердцахъ обывателей странную и великую тревогу, невольно возникающую при видѣ гигантской силы; когда сорганизованные въ политическую рать, движимые мощной идеей, полные героическаго презрѣнія къ смерти рабочіе развернули свой фронтъ передъ правительствомъ, либералы, очевидно, смутно поняли, что такое «организація общественныхъ силъ»—поняли и преклонились. Въ залу того зданія въ Москвѣ, гдѣ рождалась въ это время конституціонно-демократическая партія, ворвался, видимо, на моментъ бушевавшій на улицѣ вѣтеръ, растворилъ двери, промчался по комнатѣ, и изъ либеральныхъ ушей съ громкимъ хлопаньемъ вылетѣла плотно закупорившая ихъ вата. «Организація общественнаго мнѣнія и общественныхъ силъ», совершившаяся совершенно внѣ вліянія либераловъ, помимо ихъ помощи, вызвала ихъ одобреніе. Бюро для предварительнаго обсужденія вопроса объ отношеніи к.-д. партіи къ совершавшимся тогда событіямъ, составило резолюцію, въ которой писало, между прочимъ: «Требованія забастовавшихъ, какъ они формулированы ими самими, сводятся, главнымъ образомъ, къ немедленному введенію основныхъ свободъ, свободному избранію народныхъ представителей въ учредительное собраніе на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія и общей политической амнистіи. Не можетъ быть сомнѣнія, что всѣ эти цѣли—общія у нихъ съ требованіями к.-д. партіи. Въ виду такого согласія въ цѣляхъ, учредительный съѣздъ к.-д. партіи считаетъ долгомъ заявить *свою полнѣйшую солидарность съ забастовочнымъ движеніемъ*» [1]). (курс. нашъ).

Это было сказано въ октябрѣ. На второй день это было забыто и похоронено. А еще черезъ нѣсколько дней либеральная печать истерически топала ногами надъ свѣжей могилой вырвавшагося у нихъ постановленія, столь несоотвѣтствующаго кадетскому духу. Фронтъ

[1]) См. «Русскія Вѣдом.» № отъ 15 окт. 1905 г., стр. 3.

снова рѣзко повернулся, и въ сторону революціи понесло оттуда прѣсно-тухло-культурно-благонамѣреннымъ залежавшимся либеральнымъ духомъ. Послѣ подавленія московскаго возстанія послѣдній сталъ быстро расти, стараясь проникнуть во всѣ щели политической арены.

Началось что-то невообразимое. Густая реакція обволокла Россію. Разрушенныя баррикады Москвы, казалось, были символомъ рухнувшей революціи. На Московско-казанской желѣзной дорогѣ полковникъ Риманъ угощалъ рабочихъ свинцомъ семеновцевъ, а семеновцевъ—мясомъ рабочихъ. Карательные отряды очищали людей отъ крамолы и Россію отъ людей. Раздавались лишь звуки реакціи, и трудно было разобрать, что это за звуки: были ли это самодовольные начальническіе окрики торжествующихъ побѣдителей, человѣческіе ли голоса или чавканье окровавленной пастью.

И среди этихъ то звуковъ громко раздался голосъ кадетовъ. Они возстали противъ «хозяйственной дезорганизаціи» страны революціей, противъ «безумія стихіи», противъ мѣръ «насилія». Они выступили во имя «культуры», во имя «прогресса», подъ знаменемъ «порядка» и «мирнаго развитія». Они предлагали «успокоиться» и начать борьбу «мирными средствами». Трудно было бы изложить съ достаточной ясностью ихъ аргументацію, потому что ни одна изъ ихъ посылокъ не соотвѣтствовала дѣйствительности, ни одинъ выводъ посылкѣ, ни одинъ поступокъ—выводу.

За основную предпосылку, за базисъ, на которомъ опираются всѣ разсужденія кадетовъ, можно принять слѣдующія слова г. Петра Струве, выражающія взглядъ кадетовъ на революцію: «Революціонная тактика въ дѣлѣ воздѣйствія на народныя массы себя исчерпала: она обезсилила и народъ, и интеллигенцію и доставила только торжество отступившему на «заранѣе приготовленныя позиціи» бюрократическому правительству. Тактика эта глубочайшимъ образомъ противорѣчитъ и истинному демократизму и здоровымъ началомъ политическаго воспитанія и самовоспитанія. Она хотѣла созидать политическую культуру приказомъ и гипнозомъ свыше и извнѣ. Въ основѣ этой тактики лежала политическая наивность, доходившая до вѣры въ политическія чудеса и стремившаяся двигать людьми, какъ автоматами, а не учить ихъ двигаться» [1].

Трудно представить себѣ болѣе злопыхательную неправду, болѣе слѣпое сужденіе, болѣе грубое «насиліе» надъ фактами, чѣмъ совершенныя здѣсь «принципіальнымъ» противникомъ *всѣхъ* видовъ «насилія»—г. Петромъ Струве. Мы не думаемъ защищать здѣсь революцію противъ г. Струве: на внутреннемъ рынкѣ русской общественной жизни

---

[1]) Петръ Струве. „Замѣтки публициста". „Полярная Звѣзда" 27 янв. 1906 г., стр. 445—6.

намъ было бы очень интересно наблюдать «свободную конкурренцію» революціонной силы и либеральной рѣчи. Мы хотимъ поэтому только отмѣтить истинный характеръ приведеннаго разсужденія. Воздѣйствіе революціонной тактики на народъ уже исчерпано?—Нѣтъ, далеко нѣтъ! Если бы было по вашему, вы, гг. кадеты, провалились бы съ политической арены такъ, что васъ и днемъ съ огнемъ не сыскали бы; вы прильнули бы къ землѣ такъ плотно, что дыханіе ваше не щекотало бы и пятки правительства, чтобы оно и не подозрѣвало даже о вашемъ существованіи; вы молчали бы такъ, какъ молчали въ теченіе десятковъ лѣтъ, пока революціонная тактика не стала воздѣйствовать на народъ. Потому что, если кто-нибудь и можетъ воздѣйствовать на правительство, такъ это—*революціонный* народъ, находящійся подъ «воздѣйствіемъ» *революціонной* тактики. Это—*фактъ*, и никакіе ваши сердитые декреты не уничтожатъ его. Все, что добыто было, всѣ уступки, за которыя вы такъ жадно хватаетесь—все это было достигнуто *революціоннымъ* путемъ Цитированныя слова г. Струве были писаны въ январѣ 1906 г. И если послѣ января возможны были выборы и участіе въ Думѣ, то потому что революціонное воздѣйствіе на народъ *не* прекратилось еще, и правительство могло опасаться выступленія революціонныхъ массъ народа. Съ того времени, какъ писаны были слова г. Струве, совершилось множество событій, доказывающихъ, что революціонное воздѣйствіе на народъ растетъ. Аграрное движеніе достигло съ тѣхъ поръ громадныхъ размѣровъ. Въ войскахъ совершилось множество частичныхъ выступленій, закончившихся Дешлагаромъ, Кронштадтомъ и Свеаборгомъ—что же, они, по вашему, доказываютъ *прекращеніе* революціоннаго воздѣйствія на народъ? И наконецъ, вы сами, гг. кадеты, кричавшіе о хозяйственной дезорганизаціи и объ остановкѣ революціи, не прибѣгли ли и вы своимъ выборгскимъ воззваніемъ къ той же осужденной вами «дезорганизующей хозяйство» тактикѣ, приглашая народъ отказаться отъ платежа податей и поставки рекрутовъ? «Революціонное воздѣйствіе на народъ» не исчерпано — оно продолжается и совершенствуется; оно создаетъ такое положеніе, при которомъ даже ваши собственныя дѣйствія, вопреки вашей же волѣ, приводятъ къ революціоннымъ слѣдствіямъ, такъ что революція издѣвается надъ вами. Въ то время, какъ вы говорите объ ея истощеніи, она кричитъ: «Есть еще порох въ пороховницахъ»!

Вы утверждаете, что революціонная тактика обезсилила и себя и интеллигенцію и доставила только торжество правительству. Вы забыли, милостивый государь, что интеллигенція сама никогда не обладала силою и *обезсилить* ее не было возможности. Революціонная тактика поставила революціонную интеллигенцію рядомъ съ народомъ, повела ее по одному пути съ народомъ и увеличила силы этой самой интелли-

генціи въ безконечное число разъ. Правда, что одна массивность, одна категорія численности не представляетъ собою силы, способной свергнуть препятствіе и создать что-либо новое. Народъ представляетъ собою скрытую форму энергіи, которая начинаетъ проявляться лишь въ случаѣ соединенія его съ революціоннымъ сознаніемъ. Но и сознаніе безъ значительнаго количества носителей его тоже не представляетъ собою силы. Всѣ изолированныя усилія интеллигенціи конца семидесятыхъ годовъ въ борьбѣ съ правительствомъ не привели ни къ чему, потому что у интеллигенціи не было достаточной *силы*. О «силѣ» же земскихъ либераловъ и ихъ комическихъ культуртрегерскихъ потугъ можно вообще говорить, только находясь въ припадкѣ веселаго настроенія. И вотъ одинъ изъ идеологовъ земскихъ либераловъ насъ хочетъ увѣрить, что интеллигенція потеряла свою *силу*, благодаря революціонной тактикѣ. Цѣлые годы земцы занимались «горами и овражками» и «луженіемъ умывальниковъ», цѣлые годы они мирились съ самымъ отчаяннымъ политическимъ строемъ, принимали поученія о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ», слушались начальства, отказывались отъ всякой широкой дѣятельности, повиновались контролю чиновниковъ, дѣйствовали «примѣнительно», за карточнымъ столомъ говорили о политикѣ и читали «Освобожденіе». По логикѣ г. Струве, они были тогда «сильны»,—вѣроятно, потому что, оправдывая остроумное изреченіе Екатерины II, копили свою силу, тщательно сберегая ее и ни на что не тратя. И когда наступилъ моментъ выступленія народа, когда раздвинулись стѣны склепа, когда воздухъ бури всколыхнулъ все живое, и все рванулось впередъ въ невиданномъ порывѣ энтузіазма—сзади всѣхъ оказался дряхлый старикъ съ клюкою, обросшій мохомъ, полуслѣпой. Безпомощно толкаясь и путаясь подъ ногами борцовъ и никакого участія въ борьбѣ не принимая, онъ кричалъ дребезжащимъ голосомъ, что революціонная тактика, въ которой онъ не участвовалъ, лишила его... силы! Въ этомъ крикѣ и выразилось его «участіе»... въ освободительномъ движеніи. На учредительномъ съѣздѣ конституціонно-демократической партіи лидеръ ея, г. Милюковъ, говорилъ, «что все освободительное движеніе за послѣдній годъ, *поскольку оно не было результатомъ дѣятельности соціалистическихъ партій* (курс. нашъ), такъ или иначе было связано съ дѣятельностью двухъ упомянутыхъ организованныхъ группъ». (Духовныхъ и организованныхъ отцовъ к.-д. партіи—«союза освобожденія» и «союза земскихъ конституціоналистовъ». В. И.) [1]) Мы можемъ подтвердить правильность этой самооцѣнки. Освободительное движеніе было такъ или иначе связано съ дѣятельностью либераловъ—вѣрно! Но вѣрно и то, что «седьмая вода на киселѣ» тоже «такъ или иначе связана»

[1]) См. „Рус. Вѣдом.“ отъ 13 окт. 1905 г. стр. 3.

съ киселемъ. А еще вѣрнѣе было бы сказать, что «все освободительное движеніе»... было «такъ или иначе» *связано* либералами. Мы поймемъ тогда, какимъ путемъ революціонная тактика лишила либераловъ силы: почти такъ, какъ отецъ «недоросля» лишилъ силы его матушку въ разсказѣ Митрофанушки.

«Революціонная тактика доставила *только* (кур. нашъ) торжество правительству», говорите вы. *До* революціи, значитъ, правительство, по вашему, *не* торжествовало. Правительство, значитъ, можетъ радоваться тому, что у насъ началась революція? — Надо вамъ отдать справедливость, г. Струве: хоть въ революціи вы не участвовали, но свое *единственное* дѣло — «организацію общественнаго мнѣнія» вы исполняете прекрасно; вы *хорошо* развиваете «самосознаніе массы». Побольше бы такихъ, какъ вы — и правительство, конечно, перестало бы «торжествовать» такъ, какъ оно «торжествуетъ» теперь, благодаря революціи.

«Тактика эта глубочайшимъ образомъ противорѣчитъ истинному демократизму», говорите вы. Революціонная тактика, которая содѣйствовала вступленію на путь активной дѣятельности милліоновъ спавшихъ массъ, воспитала нхъ на лозунгахъ свободы, выковала ихъ въ огнѣ героизма — она, по вашему, противорѣчитъ истинному демократизму, а вотъ вашъ отказъ внести въ программу требованіе распространенія избирательнаго права на женщинъ и упорный отказъ на настойчивыя требованія *вашихъ* же товарищей мотивировать свое рѣшеніе — это *не* противорѣчитъ «истинному демократизму»?. Но въ такомъ случаѣ мы, значитъ, обогатились новымъ терминомъ: «истинный демократизмъ», «истинная» природа котораго нисколько не «противорѣчитъ» тому, чтобы мы отнесли его къ одной категоріи съ «истинно-русскими людьми».

Революціонная тактика, которая стремилась взять изъ массы милліоны *нулей, слѣва* присоединить къ нимъ революціонное сознаніе и героизмъ и *удесятерила* такимъ образомъ силы каждаго въ отдѣльности — *эта* революціонная тактика является, по вашему, «приказомъ и гипнозомъ свыше и извнѣ»? Правильно и искренно сказано, г. Струве, особенно, если принять во вниманіе, что вы отказали женщинамъ въ избирательномъ правѣ безъ всякаго «приказа и гипноза свыше и извнѣ»!

Революціонная тактика стремилась «двигать людьми, а не учить ихъ двигаться»! Да можетъ ли быть нѣчто болѣе несообразное, чѣмъ это заявленіе! Вѣдь вся современная революціонная тактика *опирается* на самодѣятельности массъ, *предполагаетъ* самодѣятельность массъ, *немыслима* безъ самодѣятельности массъ, какъ немыслима вода безъ мокроты, либералъ безъ «либерализма» и слово безъ содержанія. Никакіе «гипнозы свыше и извнѣ» не могутъ вы-

звать въ насъ никакого представленія, напримѣръ, о всеобщей, всероссійской политической забастовкѣ, совершающейся... безъ участія или помимо воли бастующихъ массъ. Мы предоставляемъ г. Струве почетное право доказать противное. Пока онъ этого не сдѣлаетъ, мы продолжаемъ считать нашу революцію движеніемъ *массъ*. Въ чемъ же провинилась революціонная тактика передъ г. Струве и его единомышленниками? Она, видите ли, стремилась «двигать людьми, а не учить ихъ двигаться». Итакъ, когда соціалъ-демократы говорили массамъ, что имъ не дастъ избавленія «ни царь, ни Богъ и ни герой», что лишь *самъ* народъ можетъ помочь себѣ, что лишь *собственными* силами свергнетъ онъ врага, и приглашали подняться на борьбу — они тѣмъ самымъ стремились «двигать, а не учить двигаться». Но вѣдь массы все-таки подымались, массы *двигались* и двигались въ такомъ порядкѣ, что весь міръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нихъ. А разъ они *двигались*, значитъ, не напрасна была работа тѣхъ, кто «стремился двигать», значитъ массы «научались» двигаться, значитъ упреки г. Струве становятся совершенно непонятными: они «глубочайшимъ образомъ противорѣчатъ» логикѣ. Но дѣло въ томъ, что для пониманія аргументовъ и причинъ недовольства г. Струве необходима не обыкновенная логика, а другая, «истинная» логика, которой его разсужденія не противорѣчатъ. Логика эта очень проста: хотя г. Струве показываетъ видъ, что онъ тоже—на сторонѣ движенія, хотя онъ исходитъ изъ этого и даже указываетъ средство для движенія — именно, предварительное «обученіе» движенію, — на самомъ дѣлѣ, онъ жаждетъ, страстно жаждетъ *покоя*. Не приставайте къ нему съ вопросами и разспросами о томъ, какъ можно учиться движенію, не двигаясь, какъ возможенъ опытъ безъ практики, какъ возможно подготовить народъ къ борьбѣ, не *уча* его *на дѣлѣ* бороться; не указывайте ему на то, что, если въ *процессѣ движенія* народъ, по его мнѣнію, не научится двигаться, то *безъ* этого процесса онъ и подавно не научится, если въ *процессѣ борьбы* не научится бороться, то *безъ* борьбы и подавно не станетъ борцомъ. Не разспрашивайте его обо всемъ этомъ, онъ не отвѣтитъ вамъ, онъ останется вѣрнымъ своему принципу: его отвѣтъ «двинулъ» бы васъ къ разрѣшенію этихъ недоумѣній. а онъ васъ хочетъ своимъ молчаніемъ «учить двигаться» самому. И если вы, предоставленный самому себѣ, въ согласіи съ логикой и жизнью придете къ убѣжденію, что безъ стремленія двигать нельзя научить никого двигаться, что отказъ отъ этого стремленія привелъ бы не къ движенію, а къ покою, г. Струве воскликнулъ бы: «Но покой-то только и нуженъ! Покой кажется покоемъ только, когда на него смотрятъ подъ вліяніемъ «гипноза свыше. и извнѣ». На самомъ дѣлѣ покой—это и есть «истинное» движеніе». Послѣ такого восклицанія господина Струве всякій, конечно, убѣдился бы, что г. Струве правъ, а революціонныя партіи ошибаются.

Ну, а что касается «политической наивности» и «вѣры въ политическіе чудеса», то мы уже видѣли и увидимъ еще не разъ, къ кому ихъ слѣдуетъ отнести. Здѣсь мы только обратимъ вниманіе читателя на одну черточку, характерную для русскаго либерала. Русскій либералъ не просто монархистъ—онъ монархистъ съ «республиканскими» убѣжденіями. Онъ, такъ сказать, «снисходитъ» до монархизма, а на самомъ дѣлѣ стоитъ выше его, какъ и подобаетъ «просвѣщенному европейцу». Если либералъ стоитъ за двухпалатную систему и подмѣняетъ представительство народа представительствомъ земствъ, то зато онъ душѣ—«истинный демократъ», а явная недемократичность его — это только видимость одна, только невольное подчиненіе необходимости дѣйствовать «примѣнительно», только «правое» примѣненіе «лѣвыхъ» принциповъ. Г. Струве ненавидитъ *всѣ* проявленія революціи, *всѣ* формы революціоннаго выступленія: забастовки, вооруженныя возстанія, выступленія войскъ, аграрныя движенія и все, что только «такъ или иначе связано» съ революціей. Но, нападая на революціонную тактику, онъ, какъ истый либералъ, ставитъ слово «революціонная» въ ковычкахъ. Онъ, молъ, выступаетъ только противъ *искаженій* революціи. *Онъ*, молъ, на самомъ дѣлѣ, и есть истинный революціонеръ. Если все, мало-мальски напоминающее революцію, приводитъ его въ невмѣняемое состояніе, то виною этому та «революція», которая ни за что не хочетъ оставить своихъ революціонныхъ чертъ и превратиться въ то, что онъ призналъ бы заслуживающимъ названія революціи. Г. Струве страдаетъ, какъ Гамлетъ, оттого, что «міръ сорвался съ петель», что человѣчество не понимаетъ своей ошибки и упорно называетъ революціей то, что на самомъ дѣлѣ вовсе не является таковой. Дайте господину Струве революцію такую, которая была бы полна «страшнымъ» спокойствіемъ, «разрушительной» тишиною, «бурнымъ» молчаніемъ, дайте ему экономическую борьбу безъ забастовокъ, политическую борьбу безъ возстанія, возстаніе безъ крови и кровь безъ боли, дайте ему горящую воду и мокрый огонь, и онъ сдѣлается тогда революціонеромъ—отчаяннымъ, безумно-смѣлымъ революціонеромъ, пускающимъ въ ходъ самыя революціонныя, самыя «истинно-революціонныя» средства. А пока—онъ можетъ съ презрѣніемъ смотрѣть на тѣхъ жалкихъ людей, которые считаютъ себя революціонерами, и гордо указывать на свою лойяльность. Такого-то рода взгляды на революцію и дѣйствительность являются предпосылкою, изъ которой кадеты дѣлаютъ свои выводы!

А выводъ таковъ: надо дѣйствовать мирными средствами, а не революціонными. Мы не беремся объяснить читателю, что значитъ бороться мирными средствами противъ противника, который ни за что не хочетъ уступить, который пускаетъ въ ходъ ружья, пушки и

штыки, устраиваетъ погромы, посылаетъ карательные отряды, объявляетъ на положеніи чрезвычайной охраны, военномъ и осадномъ и судитъ военно-полевымъ судомъ. Мы не знаемъ, какъ берутся одолѣть такого непріятеля кадеты. Но для насъ ясно одно: мирнымъ путемъ можно съ такимъ непріятелемъ только *сторговаться*, сойтись на чемъ-либо *меньшемъ*, чѣмъ народныя требованія; проповѣдь спокойствія будетъ въ такомъ случаѣ *солидарна* съ интересами правительства и равносильна требованію *отказа* народа отъ его цѣлей, будетъ равносильна проповѣди *удовлетворенія*. А что же, если, несмотря на такія проповѣди, народъ *все-таки* хочетъ итти дальше? Какъ въ такомъ случаѣ могутъ поступить кадеты? Тогда они могутъ *помогать* народу въ его борьбѣ, стать на *его* сторону, а это будетъ равносильно отказу отъ мирныхъ средствъ. Придерживаясь же точки зрѣнія «мирной» борьбы, они должны будутъ *устраняться* отъ помощи народу и, стоя въ сторонѣ, молча, наблюдать, какъ народъ будутъ разстрѣливать изъ пушекъ, ружей и пулеметовъ. Отказъ отъ помощи народу *усилитъ* правительство, разстрѣливающее народъ, и такимъ образомъ кадетская «мирная» тактика должна оказаться *кровопролитной* тактикой, это разъ; во-вторыхъ, такъ какъ въ случаѣ побѣды народа кадеты не преминутъ ею воспользоваться, то ихъ тактика должна оказаться и оказывается *измѣннической* по отношенію къ народу, ихъ «благородная», «мирная», «культурная» тактика будетъ тактикою шакала, пользующагося чужою добычею. А сколько въ этой тактикѣ лицемѣрія! Говоря о «мирныхъ средствахъ», кадеты этимъ самымъ какъ бы предполагаютъ, что революціонныя партіи хотятъ дѣйствовать *непремѣнно* революціонными средствами, что онѣ стоятъ за революцію ради самой революціи. Кадеты какъ бы не знаютъ, что революція всегда носитъ *оборонительный* характеръ. Если народу что-нибудь *необходимо*, а правительство этого ни въ какомъ случаѣ дать *не хочетъ*, то остается одно изъ двухъ: или *отказаться* отъ своей цѣли или добиваться своего *силою*. Третьяго выхода здѣсь нѣтъ. Развѣ это было непонятно, гг. кадеты? Отчего же вы называли «лѣвыхъ» «клеветниками», когда они говорили, что вашъ отказъ отъ революціонной борьбы есть отказъ отъ достиженія торжественно провозглашенной вами *цѣли?* Очевидно, при случаѣ и вы умѣете быть «революціонерами», и если логика протестуетъ противъ васъ, вы примѣняете къ ней «революціонныя» средства воздѣйствія! Но жизнь властна, и теперь, въ концѣ сентября, на IV съѣздѣ кадеты вынуждены были заявить нѣчто такое, отъ котораго падаетъ въ прахъ вся ихъ прежняя аргументація, все обоснованіе ихъ парламентской позиціи. «Какъ бы искренни ни были желанія партіи вести борьбу за права путемъ исключительно, парламентскимъ, но когда правительство нарушаетъ права народнаго

представительства, когда само правительство вступаетъ на революціонный путь, парламентской, истинно-парламентской партіи не остается другихъ средствъ борьбы, кромѣ внѣ-парламентской защиты народныхъ правъ, иначе не будетъ защиты вообще правъ, такъ какъ дѣйствія правительства и такой парламентской партіи окажутся дѣйствіями въ различныхъ плоскостяхъ», пишетъ г. А. Каминка въ «Вѣстникѣ партіи народной свободы» [1]). То же самое пишетъ теперь и «Рѣчь». На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и резолюція IV съѣзда о пассивномъ сопротивленіи. И все вмѣстѣ гласитъ о томъ, что тактика кадетовъ встрѣтила могучее, хотя «пассивное» сопротивленіе со стороны жизни.

Нельзя быть одновременно и съ народомъ и противъ него, стоять за достиженіе *цѣли* и звать къ остановкѣ въ самомъ началѣ *пути*. И вотъ оказывается, что въ процессѣ дѣйствія и разсужденія кадеты забываютъ свою цѣль и свои предпосылки; по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ живая цѣпь ихъ аргументацій, отмираютъ ея заднія части, и въ результатѣ все вниманіе кадетовъ обращается на «успокоеніе». Со страницъ «Полярной Звѣзды» провозглашается: «Мы полагаемъ, что революціонная интеллигенція должна—во имя революціи!—итти въ народъ съ *проповѣдью порядка* (курс. подлин.) [2]). Этимъ, надо полагать, интеллигенція впрахъ уничтожитъ правительство и доставитъ «торжество» народу. По мнѣнію кадетовъ, не надо пускать въ ходъ рѣзкихъ дѣйствій. Правительство дало Думу — возрадуемся же, ибо это — мирный исходъ. Свои же рѣчи объ участіи въ Думѣ ради организаціи народнаго «самосознанія» для дальнѣйшей борьбы, приведенныя выше, можно забыть, ибо «по принципу» кадеты отъ нихъ не отказываются, а реальныя дѣйствія могутъ и не соотвѣтствовать идеальнымъ рѣчамъ. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на Думу, какъ на средство «организовать общественныя силы» для дальнѣйшей борьбы, не угодно ли вамъ выслушать вотъ что: «Государственная Дума должна стать очагомъ дѣйствительной и рѣшительной борьбы за осуществленіе конституціонныхъ реформъ въ Россіи на демократическихъ началахъ» [3]). Борьба въ Думѣ объявляется *дѣйствительной* борьбой. Революціонная борьба внѣ Думы должна, значитъ, отнынѣ считаться *недѣйствительной*. Однимъ мановеніемъ руки членъ будущей «министерской» партіи разжаловалъ революцію въ миѳъ, а думскую «борьбу» возвелъ въ санъ дѣйствительности. Такое же заявленіе произнесъ въ своемъ докладѣ IV съѣзду одинъ изъ лидеровъ партіи: «Вплоть до момента роспуска фракція (кадет-

---

[1]) См. № отъ 1 октября 1906 г., стр. 1593.

[2]) П. Струве. «Замѣтки публициста», «Полярн. Звѣзда» № 7, стр 417.

[3]) Рѣчь г. Струве отъ имени к.-д. партіи на собр. 12 марта въ Петербургѣ. См. «Рѣчь» № отъ 14 марта 1906 г., стр. 4.

ская парламентская) оставалась при убѣжденіи въ дѣйствительности именно этихъ (легально-парламентскихъ) пріемовъ борьбы»[1]). Дума можетъ быть хорошей успокоительницей—постараемся же воспользоваться Думою для остановки революціи и используемъ то, чего уже добились. Такова была позиція кадетовъ въ Думѣ. Нужно избѣгать конфликта, какъ огня. «Конфликтъ долженъ быть возбужденъ не партіей... Прежде чѣмъ рѣшиться на конфликтъ, мы должны сдѣлать что-либо важное и полезное для народа», говорилъ г. Милюковъ на III съѣздѣ к.-д. партіи[2]). «Дума должна только принять всѣ мѣры, чтобы возникновеніе конфликта не было приписано ей»...[3])—съ такою мыслью шли кадеты въ Думу. Но если правительство игнорируетъ Думу и поступаетъ по-своему, то Дума можетъ избѣгать конфликта, лишь *уступая* правительству; дѣйствія Думы лишь тогда могутъ не приводить къ конфликту, если они совершенно не будутъ затрагивать правительство. Но тогда Дума становится *тормазомъ*, а не полезнымъ средствомъ[4]). Рамки, въ которыя правительство заключило Думу, очень тѣсны; «всякая попытка Думы выйти изъ своихъ законныхъ рамокъ можетъ только унизить и ослабить самое это учрежденіе», говорили кадеты[5]). Но отсюда можно сдѣлать два вывода: если Дума— только *средство*, тогда пусть она ослабѣетъ отъ такой попытки, но народъ отъ этого только выиграетъ, потому что яснѣе пойметъ недостаточность этой Думы; если же Дума — *цѣль*, тогда вы должны думать объ *ея* цѣлости, объ *ея* достоинствѣ, но оставьте говорить *о народѣ*. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, кадеты ни за что не хотѣли смотрѣть на Думу, какъ на средство для усиленія и развитія борьбы народа съ правительствомъ. Они хотѣли *удовлетворить* народъ Думою. Имъ казалось, что они приплыли въ тихую пристань, въ которой могутъ спокойно усѣсться за работу, успокоить революцію и заняться «строительствомъ государственнымъ» и благодѣтельствованіемъ народа. Старыя слова были забыты. «*Все* (курс. нашъ) то, что мы скажемъ и потребуемъ (въ Думѣ), по существу и сводится къ тому, чтобы народъ получилъ возможность говорить отъ своего

---

[1]) Докладъ В. Набокова IV съѣзду. См. «Вѣстн. Пар. Нар. Своб.», № отъ 1 окт. 1906 г., стр. 1603.

[2]) Докладъ Милюкова на III с. «Рѣчь» 22 апрѣля 1906 г.

[3]) Милюковъ. См. «Рѣчь» 23 апр. 1906 г., стр. 2.

[4]) Кадеты, по свойственному имъ остроумію, тоже, наконецъ, отчасти догадались объ этомъ... черезъ 2½ мѣсяца послѣ того, какъ правительство ошарашило ихъ, какъ дубиною, разгономъ Думы. Они нашли, что „распорядители судебъ Россіи“ намѣрены терпѣть лишь ту Думу, „которая, выражаясь тривіально, согласится плясать подъ ихъ дудку“ (см. „Вѣстн. Пар. Нар. Своб.“, 1 окт. 1906 г., стр. 1600). Хотя кадеты, по справедливости говоря, все равно, что открыли Америку, но иной разъ „поздно“— все равно, что „никогда“.

[5]) „Рѣчь“. Передов. ст. 21 мая 1906 г.

имени, пославъ истинныхъ своихъ представителей», говорили они до выборовъ [1]). «Я думаю, что наша первая Дума оставитъ русской исторіи законодательный памятникъ, на который наши внуки и правнуки будутъ смотрѣть, какъ на завѣтъ свободы, какъ на ковчегъ завѣта», говоритъ г. Родичевъ въ Думѣ 2 мая. Эти слова означаютъ, что надо постараться пріучить народъ къ *этой* Думѣ и заставить его бросить мысли объ Учредительномъ Собраніи. Еще яснѣе выражена эта затаенная мысль въ слѣдующихъ словахъ: «Народъ, опутанный цѣпями по рукамъ и по ногамъ, будетъ благодаренъ ей (Думѣ) за каждую цѣпь, которую она разобьетъ. И, разумѣется, *онъ не станетъ спрашивать* (курс. нашъ). почему именно эта Дума разбила цѣпь» [2]). Вся соль, все сладостно трепещущее вожделѣніе этой мысли заключается въ томъ, что авось народъ не станетъ спрашивать, почему его дѣла рѣшаетъ Дума, а не Учредительное Собраніе. Что же касается послѣдняго, то его хоронятъ окончательно. Попавъ въ Думу, кадеты съ усердіемъ, которому могла бы поучиться западно-европейская буржуазія, и съ цинизмомъ, которому могло бы поучиться русское правительство, первымъ дѣломъ сжигаютъ свои корабли. Съ высоты своего величія эти бывшіе рабы и настоящіе, какъ имъ казалось, господа положенія, съ усмѣшкою смотрятъ на свои «юношескія увлеченія». «Какую огромную роль на этомъ (II) съѣздѣ играли отвлеченные лозунги теоретизирующей мысли: «Учредительное Собраніе... бойкотъ внутри Думы... органическая и неорганическая работа»... И какую ничтожную роль играютъ эти лозунги теперь, когда партія, пройдя черезъ тяжелый искусъ избирательной кампаніи, окунулась въ реальную дѣйствительность, прониклась живымъ настроеніемъ широкихъ народныхъ массъ... И причина этой «измѣны» лозунгамъ заключается именно въ вѣрности принципамъ» — вотъ что пишетъ «Рѣчь» [3]). Кадетскій органъ подписывается въ своемъ ренегатствѣ съ наивнымъ самодовольствомъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, безмятежно улыбаясь и захлебываясь отъ радости по поводу того, что они достигли теперь «степеней высокихъ» — большинства въ Думѣ, и, значитъ, могутъ творить пакости съ величіемъ олимпійца. Притомъ, говорятъ они, намъ и краснѣть-то нечего: въ нашихъ поступкахъ только клеветники могутъ усмотрѣть измѣну; мы просто вѣрны нашимъ принципамъ; измѣна — это нашъ принципъ, и мы оказались бы настоящими «измѣнниками» своему принципу, если бы перестали измѣнять. Вѣрно, гг. кадеты! Вы ловко оправдываетесь! Но кадетъ не былъ бы кадетомъ, если бы ограничился этимъ. Вели-

---

[1]) Передов. ст. «Рѣчи», 26 февр. 1906 г.
[2]) Перед. ст. „Рѣчи“ 23 апр. 1906 г.
[3]) Перед. ст. „Рѣчи“ 23 апр. 1906 г.

чественно сознавшись въ совершеніи пакости, онъ помимо этого принимается доказывать, что это была вовсе не пакость, и нагромождаетъ вокругъ нея новую груду столь же достойныхъ аргументовъ, стараясь оплевать великіе лозунги низменными толкованіями. Оказывается, что первый съѣздъ, указавъ на свою «*полнѣйшую солидарность*» (курс. нашъ) съ забастовочнымъ движеніемъ, требовавшимъ созыва «Учредительнаго Собранія«, понималъ при этомъ подъ словомъ «Учредительное Собраніе» — «лишь собраніе народныхъ представителей, облеченное учредительными функціями» [1]). Яснѣе: кадеты видѣли основной признакъ Учредительнаго Собранія не «въ его суверенности», а находили, что «достаточно того, чтобы собраніе лишь участвовало въ созданіи политическихъ учрежденій». Но революціонные рабочіе, проводившіе въ октябрѣ политическую забастовку, разумѣется, придавали слову «Учредительное Собраніе» отнюдь не кадетскій смыслъ; *даже* кадеты, при всей своей «смѣлости» не посмѣютъ утверждать противное. Какъ же согласовать октябрьское увѣреніе въ *солидарности* съ рабочими и январьское «поясненіе» смысла Учредительнаго Собранія? *Передержка* очевидна: или обманъ былъ въ октябрѣ, или въ январѣ. На вопросъ, зачѣмъ кадеты *съ самаго начала*, т. е. въ октябрѣ 1905 года, не заявили, что понимали слова именно такъ, какъ объясняли ихъ *впослѣдствіи*, г. Карѣевъ, писавшій о кадетскомъ пониманіи термина «Учредительное Собраніе» въ оффиціальномъ органѣ партіи, не отвѣчаетъ *ни слова*, а г. Вл. Набоковъ съ истинно-кадетскимъ безстыдствомъ киваетъ на г. Карѣева: профессоръ, молъ, объяснилъ, почему [2]). Нужно сознаться, что гг. кадетамъ нельзя отказать въ остроуміи. Но съ такимъ же остроуміемъ «союзъ русскаго народа» могъ бы назвать себя республиканской партіей, а впослѣдствіи пояснить, что подъ словомъ «демократическая республика» онъ понималъ такой строй, при которомъ жарили бы людей на кострахъ или сажали на колъ за выражаемое ими нежеланіе патріотически вбивать гвозди въ еврейскія головы. Невольно думается намъ, что если *стыдъ*, скрывающійся въ кадетскихъ кунштюкахъ, «изъ нѣдръ земныхъ весь выступилъ бы вдругъ, то былъ бы вновь потопъ».

Можно ли удивляться, что при такомъ взглядѣ на Думу кадеты стремились приложить всѣ усилія къ тому, чтобы революція остановилась. Можно ли удивляться слѣдующимъ словамъ г. Родичева: «Я

---

[1]) П. Милюковъ на II с. к.-д. партіи 8 января 1906 г См. „Нашу Жизнь" № 23, 1906 г.

[2]) См. „Вѣстн. Пар. Народн. Своб." № 1, 22 февр. 1906 г.; № 3, ст. г. Карѣева: „Къ вопросу объ учредительныхъ функціяхъ Гос. Думы"; № 4, ст. Вл. Набокова: „Петербургскіе итоги".

хотѣлъ бы, чтобы наша просьба (объ амнистіи) была заявлена именно теперь, пока ее можно заявить въ формѣ желанія, пока есть еще время, пока это желаніе не стало еще требованіемъ всего русскаго народа. Быть можетъ, пройдетъ всего лишь нѣсколько дней, и это желаніе станетъ требованіемъ. Тогда будетъ уже поздно» [1]). Ясно, почему безпокоится г. Родичевъ. Желаніе— это платоническое выраженіе *чувства;* требованіе — это активное выраженіе *воли.* Желаніе — это нѣчто пассивное, ничѣмъ не подкрѣпленное; требованіе — это активное заявленіе подымающейся силы, готовой немедленно подкрѣпить свое заявленіе реальными дѣйствіями. Переходъ желанія въ требованіе означаетъ ростъ *силы* народа, знаменуетъ обращеніе молящаго раба въ протестующаго борца. Если это невыгодно для когонибудь, то для правительства, а не для народа. И если это совершится, то *правительству,* дѣйствительно, будетъ поздно давать тѣ уступки, какія ему вздумается, потому, что народъ *самъ* возьметъ, что ему нужно будетъ. Г. Милюковъ правильно выясняетъ разницу между «революціонной» и «реформистской» тактикою. И та и другая тактика являются формами борьбы. «Можно только направить эту борьбу въ то или иное русло, говоритъ онъ, дать ей то или иное внѣшнее выраженіе, предупредить скопленіе желаній и крайнее напряженіе воли» [2]). Но профессоръ не договариваетъ того, что революціонная тактика направляетъ борьбу въ русло, гдѣ эта борьба смываетъ препятствія. Тактика же реформистская направляетъ ее въ мелкое тинистое русло, гдѣ она постепенно всасывается въ землю, покрывается плѣсенью и исчезаетъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, наступаетъ успокоеніе. Въ первомъ случаѣ — это радостный отдыхъ на лонѣ достигнутыхъ успѣховъ, а во второмъ — спокойствіе могилы. Первые хотятъ *удовлетворенія* желаній народа, вторые боятся *скопленія* желаній и *напряженія* воли. Въ этомъ вся разница.

Сравнимъ же теперь указанные взгляды кадетовъ на Думу съ приведенными въ началѣ статьи словами кадетовъ объ «организаціи общественныхъ силъ» при помощи Думы. Для того чтобы сорганизовать народныя *силы,* они объявили революцію «безуміемъ», призывали къ «порядку», говорили о «властномъ» характерѣ Думы, говорили о «разгромѣ» правительства, отказывались отъ учредительнаго собранія и внушали, что Дума облагодѣтельствуетъ даже «потомковъ». Когда было предложено сорганизовать на мѣстахъ демократическіе комитеты для рѣшенія аграрнаго вопроса, кадеты отвергли

---

[1]) Изъ рѣчи г. Родичева въ Думѣ на засѣд. 29 апр.
[2]) П. Милюковъ. «Элементы конфликта», «Рѣчь» № 30, 1906 г.

это предложеніе; кадетская печать предлагала замѣнить эти комитеты «служебными», «спеціально-дѣловыми» коммиссіями, передавъ «руководство общимъ направленіемъ» ихъ дѣятельности въ руки государства и пославъ туда «представителей государственной власти» съ цѣлью «контролировать» рѣшенія мѣстныхъ коммиссій. Коммиссіи эти, по желанію кадетовъ, «должны служить, конечно, ближайшимъ цѣлямъ реформъ, а не цѣлямъ организаціи страны для фантастическаго революціоннаго удара». Если же будутъ учреждены демократическіе комитеты, то они поведутъ «не къ единенію населенія съ данною Государственной Думою, а къ подчиненію ея этимъ мѣстнымъ комитетамъ» [1]). Итакъ, долой комитеты, потому что они будутъ организовывать народъ. Долой комитеты, выбранные на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, потому что они, Боже упаси, могутъ привести къ тому, что *народъ*, черезъ своихъ *истинныхъ* представителей, захочетъ поступить не такъ, какъ угодно Думѣ. Долой эти комитеты, которые хотятъ поставить *народъ* выше Думы, кричатъ наши «демократы». Кадетская Дума лучше защитить интересы народа, чѣмъ самъ народъ. Лучше подчинить народъ Думѣ, чѣмъ Думу народу. И пусть «представители государственной власти» слѣдятъ за тѣмъ, чтобы коммиссіи не отклонились отъ угоднаго кадетамъ пути и не занялись организаціей народа... Признаемся, намъ немножко неясно, *въ чемъ*, по пониманію кадетовъ, долженъ былъ выразиться «контроль» «представителя государственной власти», который не допускаетъ уклоненій въ сторону революціонной организаціи, нежелательной для самодержавія и кадетовъ. Намъ кажется, что здѣсь пахнетъ... *семеновцемъ!* Вотъ каковы были стремленія кадетовъ «организовать общественныя силы». И жизнь подвергла кадетовъ достойному экзамену. Въ результатѣ всей своей громкой дѣятельности кадеты должны были заявить на IV съѣздѣ своей партіи, что Дума «опиралась почти исключительно на самое себя», что «силу, которою она обладала сама по себѣ, Дума исчерпала вполнѣ, но этой силы при данныхъ обстоятельствахъ оказалось недостаточно» [2]). Г. Петрункевичу пришлось заявить, что упрекъ о недостаточной связи кадетскихъ депутатовъ съ населеніемъ въ извѣстной мѣрѣ былъ справедливъ; трудовая группа работала внѣ Думы, а вся думская работа лежала на кадетахъ [3]). Но такія заявленія равносильны полному признанію въ своемъ банкротствѣ.

Пусть не приписываютъ намъ той мысли, что мы не признаемъ за покойною *Думою* никакого участія въ организаціи народа. На-

---

[1]) См. пер. ст. „Рѣчи", №№ 82 и 84, 1906 г.
[2]) „Вѣстн. Пар. Нар. Своб.", № отъ 1 окт. 1906 г., стр. 1599.
[3]) См. „Рѣчь" 29 сент. „IV с. партіи народн. своб.".

противъ, мы думаемъ, что Дума сыграла въ этомъ отношенiи нѣкоторую роль, но сыграла она ее *помимо* воли кадетовъ, *безъ* ихъ согласiя, *вопреки* имъ. Объективная сила революцiи такъ велика, что *всѣ* общественные факторы, *все*, такъ или иначе выдвигающееся на переднiй планъ, въ концѣ концовъ, содѣйствуетъ *усиленiю* ея. Революцiя подобна бомбѣ: она становится смертоносною, когда по ней ударяютъ. Поэтому даже стремленiя враговъ революцiи обращаются противъ нихъ же. Кто станетъ отрицать, что усилiя Мина, Римана, Дубасова, Карангозова, Орлова и прочихъ людоѣдовъ значительно раздули своими дѣйствiями пламя революцiи? Но имъ никто этого въ заслугу не поставитъ. Заслуги зависятъ въ данномъ случаѣ не отъ объективныхъ результатовъ, а отъ объективной воли. Мы видѣли, что кадеты все время *боялись* революцiи, *боялись* организацiи народа, *противились* самодѣятельности массъ. И если Дума, все-таки, *была* организующимъ факторомъ, то кадетъ въ этомъ «и капли меду» нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, организацiя *рабочихъ* черезъ Думу, поскольку эта организацiя вообще совершалась, была дѣломъ соцiалдемократической фракцiи, дѣломъ той группы, которая, выпустила извѣстное воззванiе къ рабочимъ. Кадеты къ этому были непричастны. Организацiя *крестьянъ* совершалась, исключительно, черезъ трудовую группу, сконцентрировавшую на себѣ вниманiе крестьянской Россiи и связавшейся съ нею крѣпкими узами. При чемъ же тутъ кадеты, скажите на милость! И какое право имѣютъ они указывать па *себя*, заявляя, что Дума сыграла роль въ организацiи народа? — Никакого! Прочитайте въ № «Рѣчи» отъ 18 августа 1906 г. статью «Легендарная Дума», поразительно подтверждающую нашу мысль. Въ ней приводится циркулирующая среди крестьянъ легенда о томъ, что покойная Дума хотѣла дать землю крестьянамъ *безплатно*. Указывая на распространенность этой легенды, авторъ заявляетъ, что «можетъ быть, теперь, какъ легенда, она (Дума) дѣйствуетъ даже сильнѣе, чѣмъ тогда, когда она существовала въ дѣйствительности». Если Дума будетъ созвана не скоро, напримѣръ, не раньше 20 февраля, то къ тому времени, полагаетъ авторъ, легенда о старой Думѣ «станетъ серьезнымъ общественнымъ факторомъ», съ которымъ придется серьезно считаться будущей Думѣ нетолько въ случаѣ ея реакцiонности; даже если она будетъ прогрессивною, «то ея работа будетъ всегда имѣть себѣ весьма серьезнаго соперника въ лицѣ легенды о старой Думѣ». Такiе фантомы, какъ эта легендарная Дума «непремѣнно будутъ мѣшать потомъ реальной работѣ». Поэтому авторъ предлагаетъ, какъ можно скорѣе, созвать новую Думу, прежде чѣмъ эта легенда успѣетъ вкорениться въ сознанiи крестьянъ. Не доказываетъ ли этотъ фактъ убѣдительно, что на крестьянъ влiяла, что съ крестьянами была связана не *кадетская* Дума, не кадетскiй импотентный «парламентъ»,

а нѣчто, не имѣвшее съ кадетами ничего общаго. Крестьянъ организовывала *ихъ собственная* идея, вытекавшая изъ *объективной* экономической необходимости получить землю *даромъ*. Дума преломилась въ сознаніи крестьянъ какъ разъ въ *обратномъ* смыслѣ, чѣмъ хотѣлось кадетамъ. Революція злостно подшутила надъ ними, и изъ Думы — успокоительницы, къ невыразимо-комическому ужасу кадетовъ, вдругъ выросло знамя, подъ которымъ крестьяне собираются отправиться въ походъ для *безплатнаго* завоеванія земли. Есть что-то глубоко-роковое, несокрушимо-величавое въ поступательномъ шествіи революціи, которая пользуется для своей цѣли всѣмъ, даже посмертнымъ *миѳомъ* о Думѣ, бывшей въ свою очередь тоже миѳомъ, и мы видимъ много поучительнаго въ томъ, что *тѣнь*, отброшенная солнцемъ революціи отъ кадетовъ, возстаетъ противъ нихъ же. Пусть кадеты подумаютъ надъ уроками революціи.

Будучи въ думѣ, кадеты не предполагали возможности такого казуса, а жажда мирныхъ пріемовъ, страстное желаніе поступать, во чтобы то ни стало, корректно, доводило ихъ дѣйствія порою до каррикатурныхъ формъ. Тихо похаживая по „конституціоннымъ" морсткамъ политической арены, на виду у всей Европы, кадеты вѣжливо улыбались на сторону правительства, величаво и укоризненно хмурились по направленію къ „некорректнымъ" лѣвымъ, съ самодовольною улыбкою оглядывали другъ друга, охорашивались и тянулись къ министерскому портфелю. Всѣ ихъ движенія были величавы, все полно достоинства. Рѣзкихъ словъ они не признавали. Когда, по выраженію „Рѣчи" имъ была брошена въ лицо законодательная бомба въ видѣ основныхъ законовъ, они на своемъ III съѣздѣ приняли умѣренную резолюцію. „Рѣзкость не есть выраженіе силы", мотивировалъ резолюцію г. Родичевъ. И когда въ послѣдній разъ, передъ самымъ концомъ съѣзда кадеты погляцѣли другъ на друга, вспомнили о своемъ парламентѣ, о своей мирной, безкровной, спокойной борьбѣ, о своей корректности и душевныхъ свойствахъ, они умилились. „Тактическая резолюція дастъ впечатлѣніе силы, умѣющей себя сдерживать", не сдержавшись воскликнулъ ихъ лидеръ [1]. Когда въ Думѣ была предложена резолюція объ отдачѣ подъ судъ генерала Павлова, кадеты ее отвергли и приняли резолюцію, заключающую въ себѣ протестъ. Называть министровъ „врагами народа" предсѣдатель депутатамъ не позволялъ, а Горемыкину г. Муромцевъ въ *оффиціальныхъ* сношеніяхъ писалъ: „Милостивый Государь, Иванъ Логгиновичъ", а подписывалъ: „Прошу ваше превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и таковой же преданности". Въ это же время Горемыкинъ нисколько не стѣс-

---

[1]) П. Милюковъ. Заключит. рѣчь на III съѣздѣ, 26 апрѣля. См. «Рѣчь», № 58.

няясь говорилъ иностранному корреспонденту, напечатавшему свою бесѣду съ министромъ въ „Times“ и „Matin“, что „Дума—просто революціонное сборище, она дискредитируетъ себя... и кончитъ безславной смертью“... Но кадеты рѣшили поразить міръ, и ничто не могло ихъ смутить. Только для „лѣвыхъ“ они изрѣдка дѣлали исключеніе, выходили изъ себя, называли ихъ «клеветниками». Г. Родичевъ позволилъ себѣ даже назвать «крамольной» ту точку зрѣнія, которая возлагаетъ отвѣтственность за содѣянное въ Россіи на царя. Онъ же сказалъ, что слова, направленныя противъ монарха, «позорятъ уста» тѣхъ, кто ихъ произноситъ.

Отрицая съ негодованіемъ всякое желаніе «сторговаться» съ правительствомъ, утверждая, что «ни шагу она (к.-д. партія) не сдѣлаетъ съ правительствомъ разстрѣливаній и убійствъ» [1]), что она «рѣшительно отказалась отъ мысли добиться своихъ цѣлей путемъ переговоровъ съ представителями власти», и что «вопросъ теперь уже... не въ томъ, согласятся ли ввести ее (политическую свободу) сверху»... [2]), кадеты въ то же самое время не сводили глазъ съ правительства, жадно ища съ нимъ примиренія и ожидая только, чтобы правительство поманило ихъ пальцемъ. Всѣ усилія ихъ сводились къ тому, чтобы «образумить» правительство и войти съ нимъ въ соглашеніе. Трогательнымъ языкомъ излагаетъ г. Родичевъ какъ гг. либералы все время стремились къ единенію съ правительствомъ, готовясь каждый разъ удовольствоваться хоть малѣйшей подачкою, и какъ правительство не обращало на нихъ вниманія и само отстраняло дававшееся ему въ руки счастье. При этомъ слово «либералъ» часто, разумѣется, подмѣняется словомъ «народъ». «Сколько разъ, плачется г. Родичевъ, на этой власти готовы были сосредоточиться надежды, ожиданія и любовь народная. Въ январѣ 1895 года это не было понято, и судьба не далась въ руки власти, отвергшей призывъ вѣры оскорбительнымъ осужденіемъ. Послѣ ухода крѣпостника Дурново, когда Горемыкинъ вступалъ во власть, къ нему обращались взоры тѣхъ, кто стремился къ праву... Въ ноябрѣ 1904 года власть могла стать во главѣ движенія, начать мирную работу, но кончилось гоненіемъ»... Утромъ 18 октября «счастье было такъ возможно». «Душа народа раскрывалась. Зачѣмъ, зачѣмъ въ тѣ дни снова сдѣланъ посѣвъ ненависти, крови, безумія? Слѣпые, они не умѣли видѣть» [3]). Съ послѣдней фразой согласны и мы; да, они были слѣпы:

---

[1]) Рефератъ г. В. М. Гессена, читанный 5 марта. См. „Рѣчь“ № 11. 1906 г.

[2]) Резолюція бюро для предвар. обсужд вопр. объ отн. къ политич. событ. на I съѣздѣ к.-д. партіи. См. „Русскія Вѣд.“ 15 окт. 1905 г., стр. 3.

[3]) Родичевъ. „Историч. день“, „Рѣчь“ 27 апр. 1906 г.

они немногое потеряли бы отъ союза съ либералами. Стоило еще въ въ 1895 году не отвергать «оскорбительнымъ осужденіемъ» «призывъ вѣры», стоило создать учрежденіе, гдѣ земцы пользовались бы правомъ «совѣщаться» о государственныхъ дѣлахъ съ тѣми, кто «совѣщается» объ этомъ съ совѣтчиками совѣтчиковъ правительства, и получился бы трогательный «конституціонный» союзъ, отъ котораго «раскрывалась бы душа» земцевъ: самодержавная монархія, «вѣрующая» либеральная буржуазія и «облагодѣтельствованный», «свободный» народъ! Безумное правительство! оно этого не сдѣлало. Жестокое! оно этимъ причинило глубокія раны нѣжному и «довѣрчивому» сердцу либераловъ, которые вынуждены были пережить столько разочарованій. И хотя либералы въ конституціонно-демократической одеждѣ морочили во время выборовъ обывателей, заявляя имъ, что «ни шагу они не сдѣлаютъ съ правительствомъ“, этимъ они хотѣли только вызвать въ послѣднемъ муки раскаянія. Старая любовь не угасла, и, вступая послѣ десятилѣтнихъ томныхъ воздыханій въ хоромы возлюбленнаго, кадетка-невѣста съ дѣвическимъ трепетомъ ждала, что, наконецъ-то, женихъ прострретъ къ ней свои руки и заключитъ въ объятія. Когда министерская декларація убѣдила кадетовъ въ противномъ, старая дѣва закатила глазки и, ударяя себя въ пустыя груди, завопила: «Мы ждали, что власть выйдетъ къ намъ навстрѣчу, мы готовы были забыть прошлую дѣятельность людей, въ рукахъ которыхъ была власть, мы готовы были не вспоминать о томъ. что на порогѣ обновленія Россіи власть находится въ рукахъ лицъ, работавшихъ надъ увнетеніемъ страны. Сегодня наши надежды рушились» [1]). Бѣдная невѣста! съ горя она выболтала свои сокровенныя мысли, лелѣянныя десятки лѣтъ, съ горя она высказала то, чего не слѣдовало бы говорить и нечаянно созналась въ своемъ намѣреніи одурачить своихъ избирателей, которымъ раньше говорила, что «ни шагу не сдѣлаетъ съ правительствомъ разстрѣливаній и убійствъ»! Жестокое правительство! Бѣдные кадеты! Несчастные избиратели! А еще черезъ три мѣсяца—уже по разгонѣ думы — еще одинъ лидеръ к.-д. партіи сдѣлалъ еще одно признаніе: «Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что если бы два мѣсяца тому назадъ было образовано министерство съ участіемъ общественныхъ дѣятелей, и если бы такое министерство искренно и честно вступило на путь «широкихъ либеральныхъ реформъ», modus vivendi между ними и думскимъ большинствомъ былъ бы найденъ очень скоро и безъ особеннаго труда, и поскольку оно бы послѣдовательно могло итти по указанному пути, оно имѣло бы полное основаніе разсчитывать на поддержку думы» [2]). Итакъ, достаточно

1) Изъ рѣчи г. Родичева на засѣданіи думы 13 мая.

2) Вл. Набоковъ. „Минувшіе дни“. „Вѣстн. пар. нар. своб.“ № отъ 3 авг. 1906 г.

было включить въ бюрократическое министерство двухъ-трехъ общественныхъ дѣятелей и выставить либеральный флагъ,—и дѣло было бы сдѣлано: «джентльменъ»—Столыпинъ, г. Горемыкинъ, къ которому «обращаются взоры тѣхъ, кто стремится къ праву», еще нѣсколько такихъ же рыцарей, заслуживающихъ «увѣренія въ совершенномъ уваженіи и таковой же преданности», и гг. кадеты всѣ поплыли бы вмѣстѣ на министерской ладьѣ въ страну «искреннихъ» и «честныхъ» реформъ. Жаль, что этого не удалось. Любопытная была бы картина. Впрочемъ, мы думаемъ, что эта картина была бы возможна даже безъ наличности вышеуказанныхъ условій. Наше мнѣніе таково, что въ сотвѣтѣ на тронную рѣчь» требованіе о призывѣ къ власти министерства, которое пользовалось бы довѣріемъ парламента, звучало совершенно академически и отвлеченно; оно осталось тамъ чисто «программнымъ» требованіемъ, и настоящая, *практическая* струя въ него еще совсѣмъ не проникала. И если бы находившееся у власти министерство отнеслось, по меньшей мѣрѣ, со вниманіемъ и уваженіемъ къ тѣмъ требованіямъ, изложеннымъ въ «отвѣтѣ», которыя непосредственно касались блага русскаго народа, если бы оно вошло въ ихъ обсужденіе по существу и согласилось съ ними хотя бы даже частично, то требованіе о перемѣнѣ наличнаго министерства, вѣроятно, такъ бы и осталось въ предѣлахъ «программы». Между палатою и министерствомъ началось бы дѣловое взаимодѣйствіе по поводу внесенныхъ законопроектовъ, и весьма вѣроятно, что это очень надолго отодвинуло бы въ сторону споръ о власти. Читатель, конечно, досадуетъ на насъ по поводу того, что мы еще разъ высказываемъ то же мнѣніе объ истинномъ характерѣ кадетскихъ вожделѣній. Онъ досадуетъ совершенно напрасно. Цитированныя слова полностью взяты изъ «Рѣчи» [1]), изъ статьи, гдѣ такимъ образомъ высказывается ясно, что требованія отвѣтнаго адреса были комедіей, и что достаточно было бы министрамъ вступить въ *обсужденіе* требованій по существу и удовлетворить ихъ «хотя бы даже частично», и споръ о власти былъ бы прекращенъ, а торгъ заключенъ. Можно ли по прочтеніи этой статьи сомнѣваться, что соціалдемократы были «клеветниками»? Къ величайшему нашему удивленію, приведенная пронзительно-прямолинейная исповѣдь умѣстилась какимъ-то образомъ на столбцахъ зигзагообразно-извилистаго органа—и отъ этого не пострадала ни статья, ни органъ. Поистинѣ, кадетское чудо!

Но указанныя „демократическія" вожделѣнія кадетовъ не осуществились. За нѣсколько дней до разгона Думы появились угрожающіе слухи. Но кадеты были слишкомъ упоены представленіемъ о прочности своего положенія и не могли даже повѣрить этимъ слухамъ.

---

1) См. ст. Соціолога: „Борьба за власть въ гос. думѣ". „Рѣчь" 15 сент. 1906 г.

Достаточно было СПБ. телеграфному агентству написать опроверженіе и кадеты успокоились. „Опроверженіе доставило большое удовлетвореніе, такъ какъ имъ устранялся одинъ изъ серьезнѣйшихъ поводовъ къ тяжелымъ и бурнымъ осложненіямъ“, съ наивною глупостью заявила „Рѣчь“. Никакихъ мѣръ, никакихъ предупредительныхъ средствъ принято не было. Прошло всего лишь нѣсколько дней—еще генералъ Павловъ не успѣлъ подписать и десятка смертныхъ приговоровъ, еще не было сожжено за это время и полусотни деревень, еще казаки не изнасиловали и дюжины 9 лѣтнихъ крестьянскихъ дѣвочекъ и 70 лѣтнихъ старухъ, еще г. Родичевъ въ экстазѣ простиралъ объятія „возлюбленному монарху“, какъ дѣло было сдѣлано. Громъ грянулъ,—и „властная“ Дума съ „корректными“ политиками исчезла, какъ сонъ...

Разгонъ думы и положеніе, въ которомъ очутилась послѣ этого к.-д. партія должны были выяснить даже слѣпымъ истинный характеръ кадетъ. Разгонъ думы вышибъ всю почву изъ-подъ ногъ партіи, признававшей *только* борьбу въ думѣ. Кадетская партія оказалась висящей въ воздухѣ... Какой бы шагъ она ни сдѣлала послѣ этого—все должно было стать въ противорѣчіе съ ея прежнею тактикою, рѣчами и принципами. Фальшивое положеніе, которое кадеты занимали все время въ ходѣ революціи, завело ихъ, наконецъ, въ такой тупикъ, что они оказались *вынужденными* дѣлать фальшивые шаги помимо своей собственной воли. Кто сказалъ А, долженъ сказать и Б.

Въ думѣ кадеты занимали первенствующее положеніе. „Недаромъ дума названа кадетской... До самаго конца партія сохранила руководящую роль въ Думѣ“, справедливо говорилъ г. Набоковъ на IV съѣздѣ к.-д. партіи [1]). Кадеты не признавали никакихъ формъ борьбы, кромѣ думской. Кадеты утверждали, что дума настолько крѣпко спаяна съ населеніемъ, что ее невозможно будетъ разогнать. И вотъ думу разгоняютъ. Кадеты, разумѣется, *вынуждены* были протестовать противъ этого: во-первыхъ, они пострадали отъ разгона думы больше *всѣхъ* остальныхъ партій, такъ какъ у нихъ отняли ихъ *единственное* средство борьбы; смолчать — значило бы констатировать свою смерть; во-вторыхъ, изъ ихъ увѣреній о *силѣ* думы вытекало, что у думы *есть* защита, которая довѣряетъ кадетской думѣ и готова ее поддержать, въ случаѣ надобности; если бы кадеты не протестовали, то изъ ихъ же увѣреній вытекало бы, что они *одни* виновны въ смерти думы, что они *сознательно* отказались отъ того шага, который, *по ихъ же убѣжденію*, могъ спасти дѣло. Отказъ отъ протеста со стороны кадетовъ настолько бы ихъ дискредитировалъ, что былъ бы для нихъ равносиленъ самоубійству. Поэтому протестъ былъ для кадетовъ объективной необходимостью.

1) См. «Вѣстн. пар. Нар. Своб.» 1 октября 1906 г., стр. 1595.

Изъ всѣхъ формъ протеста кадеты выбрали *самый умѣренный*—призывъ къ пассивному сопротивленію. Но при всей своей умѣренности этотъ шагъ стоялъ въ вопіющемъ противорѣчіи со всею предыдущею тактикою кадетовъ. Кадеты сейчасъ изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы доказать «Новому Времени» и «Россіи» *конституціонный* характеръ призыва къ пассивной борьбѣ; они доказываютъ, что пассивное сопротивленіе—это не что иное, какъ народный вотумъ, какъ способъ узнать мнѣніе большинства страны. Но *формальная* сторона этого дѣла можетъ интересовать только прокурора; по существу же это было актомъ, который призывалъ *къ кровопролитнымъ* дѣйствіямъ. Не станутъ же увѣрять кадеты, что они полагали, будто правительство будетъ спокойно смотрѣть на отказъ населенія платить подати и поставлять рекрутовъ. Кадеты имѣли опытъ Кавказа и Прибалтійскаго края; если бы они не понимали результатовъ пассивнаго сопротивленія въ *Россіи при нынѣшнемъ* правительствѣ, то они были бы достойны съ политической платформы перемѣститься въ больницу для лицъ, страдающихъ размягченіемъ мозга. Выборгское воззваніе, разсматриваемое съ *этой*, единственно правильной точки зрѣнія, свидѣтельствуетъ о *полнѣйшемъ банкротствѣ* кадетской тактики. И все-таки кадеты хотятъ остаться тѣмъ же, чѣмъ были раньше!

Подписывая выборгское воззваніе, кадеты знали, что не они будутъ это воззваніе распространять, что не они будутъ содѣйствовать его успѣху. Намъ доставило бы большое наслажденіе, если бы мы услышали отъ кадетовъ опроверженіе сказаннаго. Но трудно ожидать такого опроверженія. Какъ! Кадеты намѣривались идти въ народъ?! Кадеты рѣшили печатать это воззваніе въ нелегальныхъ типографіяхъ, распространять его по селамъ и деревнямъ, развозить его по желѣзнымъ дорогамъ, разбрасывать его по Россіи! Кадеты полагали, что ихъ будутъ арестовывать на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ съ кипами выборгскаго воззванія, ихъ будутъ ловить въ деревняхъ при раздачѣ этого воззванія, ихъ будутъ разстрѣливать въ городахъ на митингахъ, въ деревняхъ — на сходахъ во время агитаціи за отказъ отъ платежа податей и поставки рекрутовъ! Кадеты станутъ насъ увѣрять, что они готовы были, несмотря на свою конституціонность, стать въ положеніе революціонеровъ, несмотря на свою лойяльность—гнить въ тюрьмахъ — и, несмотря на всю свою корректность, весьма некорректно болтать ногами на висѣлицѣ! Нѣтъ! Они не станутъ насъ въ этомъ увѣрять, хотя бы всѣ «моральныя» кадетскія черты достигли въ нихъ апогея—ибо легче представить себѣ крылатаго осла, чѣмъ казненнаго кадета. Подписывая свое воззваніе, кадеты могли *только* надѣяться на революціонеровъ. Достойная тактика кадетовъ достойнымъ образомъ обнаружила себя. Она можетъ

существовать только потому, что существуетъ ея противоположность— революціонная тактика. Революціонеры своими тѣлами зажигаютъ пламя побѣды, а кадеты грѣются! Самое справедливое раздѣленіе труда!

Со времени роспуска Думы до IV съѣзда кадетская партія ничѣмъ себя не проявила; она не могла ничего дѣлать; думы нѣтъ— нѣтъ кадетовъ. Думская дѣятельность невозможна, а другой дѣятельности кадеты не знаютъ. И IV съѣздъ кадетовъ, выразивъ свое моральное негодованіе по адресу правительства, могъ указать партіи только одно «дѣло»—подготовку къ выборамъ.

Положеніе дѣла, значитъ, сейчасъ таково. Съ одной стороны— голодный, изможденный народъ, не добившійся пока *ничего*. Противъ него—голодное, кошмарное, чудовищное правительство. Надъ нимъ— гигантская военно-полевая висѣлица. Подъ нимъ могила и трупы убитыхъ. А кругомъ—сверху, снизу, со всѣхъ сторонъ—кровь. Среди такой обстановки въ безвоздушномъ пространствѣ рѣетъ «сверхклассовая», «идеалистическая», «культурная» партія конституціонныхъ иллюзій и демократическихъ измѣнъ. Что дѣлаетъ она тамъ въ безвоздушномъ пространствѣ? Какова ея *дѣятельность*, ея *помощь* народу, ея *намѣренія?* На всѣ эти вопросы она можетъ дать одинъ отвѣтъ: «ожиданіе!» Кадетская партія можетъ сейчасъ только *ждать*— ждать пока правительству будетъ угодно назначить выборы или пока *революціонная* тактика революціоннаго народа, осуществляемая революціонными партіями, не окажется въ силахъ *вынудить* къ этому правительство. А г. Родичевъ на IV съѣздѣ, несмотря на это, заявилъ что только «съ точки зрѣнія революціонной фразеологіи» кадетская партія идетъ въ Каноссу. Г. Родичевъ упрекаетъ другихъ въ фразеологіи! Можетъ ли быть, что либо комичнѣе и уморительнѣе этого?! Но г. Родичевъ все-таки отчасти правъ, хотя и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ думаетъ. Кадетская партія сейчасъ не идетъ въ Каноссу; не дѣлаетъ она этого по двумъ причинамъ: 1) хожденіе— это все-таки *дѣйствіе*, а кадетская партія сейчасъ ни къ какимъ дѣйствіямъ неспособна; 2) кадетской партіи немыслимо сейчасъ пойти въ Каноссу, потому что она уже сидитъ въ Каноссѣ съ самаго дня своего рожденія.

* * *

Мы не претендовали въ этой брошюрѣ дать исчерпывающее изложеніе кадетской тактики. Наша задача была болѣе скромна, такъ какъ мы понимали слова Кузьмы Пруткова: «Нельзя обнять необъятнаго.

Обнять кадетскую тактику цѣликомъ невозможно. Чтобы опредѣлить ее, вамъ приходится нестись за ней по болотамъ и горамъ, совершать необычайно крутые повороты, дѣлать невообразимо капризные скачки, и когда вамъ кажется, что постигли направленіе

ся движенія, вы какъ разъ въ этотъ моментъ съ разбѣгу ударяетесь лбомъ объ стѣну,—оказывается, что кадеты произвели головоломное сальтомортале и очутились въ сторонѣ отъ того мѣста, куда двигались.

Но какъ ни трудно разглядѣть законъ ихъ движенія, онъ все-таки существуетъ. Этотъ законъ—классовые интересы кадетовъ и вытекающая отсюда психологія. Какъ интересы, такъ и психологія заставляютъ кадетовъ занимать въ революціи позицію между двумя стульями. Съ одной стороны, имъ необходимо ослабленіе правительства; съ другой, они испытываютъ паническій ужасъ передъ революціей. Для ослабленія правительства имъ необходимо освободительное движеніе народныхъ массъ, необходима сила, угрожающая правительству и готовая нанести ему жестокіе удары; для защиты своихъ интересовъ имъ необходимо, чтобы революція не дошла до конца, чтобы правительство не было свергнуто *совершенно*, чтобы народъ не получилъ *всей* власти, потому что послѣднее связано также *съ конфискаціею всей земли* и другими экономическими потерями для нихъ.

Находясь между двумя стульями, кадеты поневолѣ должны вести двойственную тактику. Чтобы не остаться въ сторонѣ отъ народныхъ массъ, т. е. совершенно безсильными, они вынуждены выставлять народные лозунги. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ, во что бы то ни стало, нужно столковаться съ правительствомъ, пока это возможно, пока уступка можетъ остановить народъ на половинѣ пути, а кадетовъ на какой-нибудь властной позиціи. Подробнѣе останавливаться на этомъ было бы излишне, потому что все это блестяще выяснено въ брошюрѣ тов. Ленина: «Побѣда кадетовъ и задачи рабочей партіи».

Двойственность положенія отнимаетъ у кадетовъ всякую возможность сдѣлать хоть одинъ рѣшительный шагъ въ ту или иную сторону. Рѣзкій переходъ на сторону правительства для нихъ невозможенъ. Рѣзкій переходъ на сторону революціи для нихъ немыслимъ. Правительство ихъ приводитъ въ негодованіе, революція—въ ужасъ. Безпомощно топчась на одномъ мѣстѣ, кадеты должны такъ соразмѣрять шаги, чтобы не порвать съ народомъ и не разойтись окончательно съ правительствомъ. Но не революція, ни правительство не соразмѣряютъ своихъ шаговъ съ кадетами: борьба заставляетъ отступать то того, то другого. Въ зависимости отъ этого кадетамъ часто приходится оставлять свою позицію и опрометью бросаться въ сторону того противника, который подался впередъ: сегодня съ гордостью отказываться отъ уступки правительства, которую народъ съ единодушнымъ презрѣніемъ швыряетъ ему обратно въ лицо и заявлять о своемъ «рѣшительномъ отказѣ» отъ переговоровъ съ правительствомъ, а завтра съ жадностью хвататься за правительственную подачку, огрызаясь на «непримиримыхъ» лѣвыхъ,

Отсюда получается удивительная пляска кадетовъ. Прослѣдите ихъ движеніе въ теченіе небольшого промежутка времени—и вамъ покажется, что вы смотрите въ калейдоскопъ. Только что вы видѣли революціонный танецъ; черезъ минуту вы наблюдаете величаво-размѣренно-благообразное движеніе; еще моментъ—и передъ вами ликующій свадебный вальсъ. Минуту тому назадъ ихъ лицо, обращенное къ правительству, было «непримиримо», а глаза «метали молніи». Сейчасъ лицо строго задумчиво-многообѣщающе-неопредѣленно, а глаза «безмятежны». Черезъ минуту вы видите, что лицо стало «примиримо», а глаза «добродѣтельны». Послушайте ихъ слова. Въ октябрѣ они выражаютъ солидарность съ забастовочнымъ движеніемъ. Въ январѣ призываютъ къ порядку. Въ мартѣ зовутъ организоваться. Въ апрѣлѣ предлагаютъ бросить все движеніе и довѣриться имъ. Въ Думѣ отказываются отъ всякой попытки организовать народныя силы. Сначала говорятъ объ учредительномъ собраніи, потомъ отказываются отъ него и затѣмъ топчутъ самый терминъ «учредительное собраніе» въ грязь.

Но всѣ эти манипуляціи не приводятъ, однако, къ желательнымъ для кадетовъ результатамъ. Революція видоизмѣняетъ результаты кадетскихъ дѣйствій; она разбиваетъ ихъ разсчеты, договариваетъ то, о чемъ они умалчивали, тысячеголосымъ эхомъ усиливаетъ ихъ робкій шопотъ, обращаетъ ихъ орудія противъ нихъ самихъ и пользуется самими кадетами, какъ средствомъ. Какъ и всякая палка, магическая палочка кадетовъ имѣетъ два конца; мы видѣли, что одинъ изъ нихъ обращенъ къ правительству, другой—къ революціи. Революція ударяетъ кадетовъ обоими концами. Все время кадеты опирались на свою лойальность. Лойальнымъ путемъ они хотѣли обезсилить правительство и укрѣпить Думу. Но упорная лойальность, отшатнувшая отъ нихъ борющіяся массы, обезсилила ихъ самихъ и укрѣпила правительство. Все время кадеты избѣгали революціонныхъ путей. Революція *заставила* ихъ признать себя; они *вынуждены* были прибѣгнуть къ революціонному воззванію, и въ наказаніе за свой антиреволюціонизмъ родили кадеты въ ночь «не то сына, не то дочь, не то мышь, не то лягушку», какую то противоестественную помѣсь кадета и трудовика — выборгское воззваніе. Все время кадеты видѣли главнѣйшій козырь въ своей легальности. Теперь они оказались на порогѣ подполья.

Оглядываясь на пройденый кадетами путь, можно сказать, что у нихъ нѣтъ никакой опредѣленной, выдержанной тактики. Но это отсутствіе опредѣленности и выдержанности и составляетъ ихъ тактику.

У кадетовъ нѣтъ никакой памяти. Сегодня они объясняются въ любви рабочимъ и сочувствуютъ забастовочному движенію; на слѣдующій день кричатъ о «хозяйственной дезорганизаціи и называютъ

революціонное введеніе 8—часового рабочаго дня и другія мѣры, вродѣ этой, соціальнымъ переворотомъ» [1]). Сегодня говорятъ о томъ, что съ правительствомъ не сдѣлаютъ «ни шагу», завтра признаются въ желаніи помириться съ правительствомъ, а на третій день, въ отвѣтъ на упреки лѣвыхъ, кричатъ о «клеветѣ». Впрочемъ, они вправѣ были сердиться на лѣвыхъ: въ домѣ повѣшеннаго не слѣдуетъ говорить о веревкѣ; въ присутствіи кадета нельзя говорить о пямяти.

У кадетовъ нѣтъ никакой опредѣленной физіономіи. Вы можете ихъ считать за людей оппозиціонныхъ, но можете съ такимъ же правомъ счесть за полуреволюціонныхъ или за реакціонныхъ. Они совмѣщаютъ въ себѣ все. Они всеобъемлющи и необъятны. Они оппозиціонно-революціонно-реакціонны. Они—политическіе гермафродиты.

Но у кадетовъ зато много добродѣтелелей. Напримѣръ, у нихъ много корректности. Ихъ корректность достигаетъ размѣровъ титаническихъ. Она охватываетъ и министра Горемыкина, и министра Столыпина, и товарища министра Гурко и всякаго, «такъ или иначе связаннаго» съ «властью государственною». «Кто не съ нами, тотъ противъ насъ; будемъ же сильны и смѣлы!» говоритъ пролетаріатъ и устремляется на врага. «Кто не съ нами, тотъ противъ насъ; будемъ же безпощадны; смерть крамольникамъ!» говоритъ правительство и обрушивается на революцію. «Кто не съ нами, тотъ *надъ* нами; будемъ же корректны»! говорятъ кадеты и начинаютъ покачиваться, какъ часовой маятникъ.

У кадетовъ много невинности. Ихъ цѣломудренное невѣдѣніе можетъ повергнуть въ слезы умиленія самого сатану. Они не подозрѣваютъ даже о существованіи зла на свѣтѣ. Они умерли бы, если бы вы имъ доказали, что есть на свѣтѣ люди безъ совѣсти и безъ души. Министровъ они «честью просятъ» удалиться. Лучшимъ средствомъ для истребленія злокозненныхъ министровъ они считаютъ апелляцію къ «совѣсти» послѣднихъ. Отъ разгона Думы правительство, по мнѣнію кадетовъ, будетъ удержано «святостью» этого учрежденія, напоминающею святость «иконостаса Казанскаго собора». А для того чтобы спасти свою партію отъ разгрома, слѣдуетъ указать «джентльмену»—Столыпину, что одновременное закрытіе конституціонно-демократической партіи и легализація «союза русскаго народа» «переносятъ вопросъ изъ области государственной политики на чисто этическую почву» [2]), то-есть, что правительство наше, чего добраго, можетъ себя замарать этимъ поступкомъ и потерять свою «этичность». Хорошіе люди эти кадеты! Джентльмены!

Ко всему этому они очень великодушны. Какой-то поэтическій

---

[1]) См. перед. ст. въ „Рѣчь", № 1, 1906 г.
[2]) См. „Рѣча", перед. ст. 29 авг. 1906 г.

кадетъ очень трогательно описываетъ въ «Рѣчи» какъ кадеты вошли въ «Портъ-Артуръ» разбитаго, по его мнѣнію, правительства, т. е. въ Думу. Въ этотъ «великій историческій день», говоритъ онъ, когда «съ грохотомъ рухнула сооруженная вѣками насилія и гнета, выкованная изъ народныхъ слезъ и крови золотая рѣшетка, первое, что озарило просвѣтлѣвшее весеннее небо,—это было скромное бѣлое знамя, мирно выкинутое не тѣми, которые прощенія должны были бы просить, а тѣми, которые это прощеніе въ состояніи и готовы дать». Кадеты показали, кто они такіе. «Будущія поколѣнія должны будутъ съ удивленіемъ остановиться передъ умилительною картиною того, какъ разбившій свои оковы рабъ проситъ прощенія у своихъ тюремщиковъ вмѣсто того, чтобы заставить ихъ просить прощенія у себя», восклицаетъ авторъ [1]).

Эту «умилительную» картину мы запомнимъ; ея вѣрность оригиналу мы подтвердимъ и въ солидарности съ упомянутымъ авторомъ пожелаемъ, чтобы будущія поколѣнія передъ нею остановились. Пусть наши потомки на великой картинѣ нашей великой революціи, среди пламени и дыма, среди героическихъ массъ, среди самоотверженныхъ борцовъ найдутъ «умилительную» фигуру раба—найдутъ и «умилятся». Пусть переведутъ они свой взоръ отъ картины тѣхъ черныхъ, грязныхъ и потныхъ, надъ сомкнутыми рядами которыхъ свѣтилось окрашенное ихъ собственной кровью знамя, и остановятся на тѣхъ, кто въ минуту народной борьбы выкидывалъ безобидное бѣлое знамя. Пусть они сравнятъ массы, поднимавшіяся на борьбу, людей, поднимавшихся на висѣлицы, звуки борьбы и страданій, поднимавшіеся къ небу—съ «умилительною» фигурою, опустившейся въ великодушномъ смиреніи, склонившейся къ своимъ собственнымъ цѣпямъ и просящей прощенія у своего господина. И пусть сравнятъ они тѣхъ суровыхъ и твердыхъ мужчинъ и женщинъ, которые безбоязненно шли на смерть, безстрашно нападали на противника, безтрепетно проливали свою кровь, съ тѣми нѣжными и кроткими, которые безбоязненно шли въ павшіе портъ-артуры, безстрашно торговались съ врагами народа и безтрепетно проливали слезы умиленія при видѣ своего собственнаго рабства.

[1]) См. „Рѣчь“ № 63. 1906 г. ст. „Бѣлое знамя“.

Изданія „Свободной Прессы“.

Гуго Берчъ. «Долой безработицу!» Цѣна 25 коп. 139 стр.

СВЯЩЕННИКЪ Гр. ПЕТРОВЪ о книгѣ **«Долой Безработицу!»**. Предпославъ въ большой статьѣ **«Корни стараго зуба»**, посвященной названной книгѣ, въ газетѣ «Русск. Слово», нѣсколько словъ о рабствѣ въ древнемъ греко-римскомъ мірѣ при появленіи христіанства и о крѣпостничествѣ у насъ въ Россіи, свящ. Г. Петровъ говоритъ:

Въ другихъ формахъ, въ измѣненномъ нѣсколько видѣ, но тоже рабовладѣльческое, крѣпостническое отношеніе къ низшимъ слоямъ народа остается въ силѣ и по наши дни. Большинство людей и нашего времени, владѣющихъ преимуществами власти, капитала или родовитаго происхожденія, все еще не научилось понимать, что никто не можетъ имѣть права эксплоатировать другого, обращать подобнаго себѣ человѣка въ орудіе, въ средство своего благополучія и что всѣ преимущества и привилегія однихъ передъ другими есть не законное право, а беззаконная, насильственная неправда.

Люди всѣ, вѣдь,—*люди*. Всѣ имѣютъ одинаковыя права на признаніе въ нихъ человѣческой личности, на требованіе каждому человѣческаго существованія и человѣческихъ правъ. Между тѣмъ большинство привилегированной части человѣчества, какъ и во времена языческаго рабовладѣльчества и христіанскаго» крѣпостничества, по прежнему остается безмятежно спокойнымъ въ своемъ исключительномъ благополучіи меньшинства, пребываетъ убѣжденнымъ, что это—его *право*. Среди этого привилегированнаго меньшинства есть немало наивныхъ душъ, которыя негодуютъ совершенно искренне, убѣжденныя, что онѣ правы, что отстаивающіе интересы и требованія обездоленныхъ трудящихся массъ—опасные мечтатели.

Но положеніе трудящихся массъ на самомъ дѣлѣ невозможно, онѣ, ихъ трудъ безбожно и безчеловѣчно эксплоатируются и продолженіе такого порядка есть общественное преступленіе, стыдъ и позоръ для каждаго, кто спокойно участвуетъ въ этомъ порядкѣ. И если послѣ такой очевидности все же найдутся люди, которые будутъ стоять за свои исключительныя преимущества и привилегіи и за борьбу противъ требованій трудящихся массъ, то это, ясно, будетъ не отстаиваніе своихъ законныхъ правъ, а лишенное всякой правоты насильственное удержаніе возможности продолжать и далѣе эксплоатацію утѣсненныхъ людей.

Жизнь въ этомъ отношеніи, голая правда ея, какъ и вообще, является великою учительницею. Безпристрастнымъ свидѣтелемъ. И вмѣстѣ строгимъ, справедливымъ судьею.

Вотъ для примѣра одна изъ яркихъ страницъ такой правды жизни Безупречный показатель ужасовъ существующихъ общественныхъ порядковъ Голосъ рабочаго о положеніи трудящихся массъ. Слово человѣка, вышедшаго изъ низовъ жизни и поднявшагося на верхи, ставшаго писателемъ. Я обращаю вниманіе читателя на книгу фабричнаго рабочаго въ Америкѣ Гуго Берча: «Долой безработицу!» Въ этой книгѣ интересно все: ея талантливость, ея сила искренности, личность автора, самое появленіе книги.

Самая жизнь Гуго Берча — уже готовая книга, страстная жалоба на людей къ Богу, цѣлый обвинительный актъ противъ существующихъ условій жизни.

Не удивляйтесь поэтому жуткимъ нотамъ, той горечи, тому ѣдкому сарказму, съ которыми вы встрѣтитесь на страницахъ книги Берча. Если бы вы могли войти, хотя мысленно, въ шкуру Гуго Берча и милліоновъ подобныхъ ему, пережить годъ за годомъ долгую жизнь въ ихъ положеніи, то вы, навѣрное, поняли бы злобное раздраженіе Берчей, переданное авторомъ книги въ устахъ безработнаго героя названной книги. Герой книги Берча, Томъ Пратъ, потерялъ на фабрикѣ руку и потому лишился возможности найти скоро работу. Онъ два мѣсяца безъ заработка, а дома семья: больная, слабогрудая жена, дѣти. Герой книги доходитъ до страшнаго отчаянія.

— Видишь, пишетъ онъ сестрѣ, до чего можно дойти безъ работы .. то есть безъ хлѣба?

— Это все отъ праздности, — зло смѣется надъ своимъ положеніемъ Томъ Пратъ. — Отъ бездѣлья. Къ чорту безработицу!

А вѣдь такихъ «праздныхъ», то есть голодныхъ, а если и за работой, то всегда недостаточно сытыхъ Томовъ Пратовъ милліоны. Да и не безрукихъ, а и съ двумя руками. Даже съ хорошей головой. И съ чистою, нѣжною душою, какъ писалъ о себѣ Вильбрандту Гуго Берчъ. Иногда съ талантомъ автора книги: «Долой безработицу!»

Книга эта поясняетъ причину горечи и озлобленія рабочихъ массъ и убѣди-

